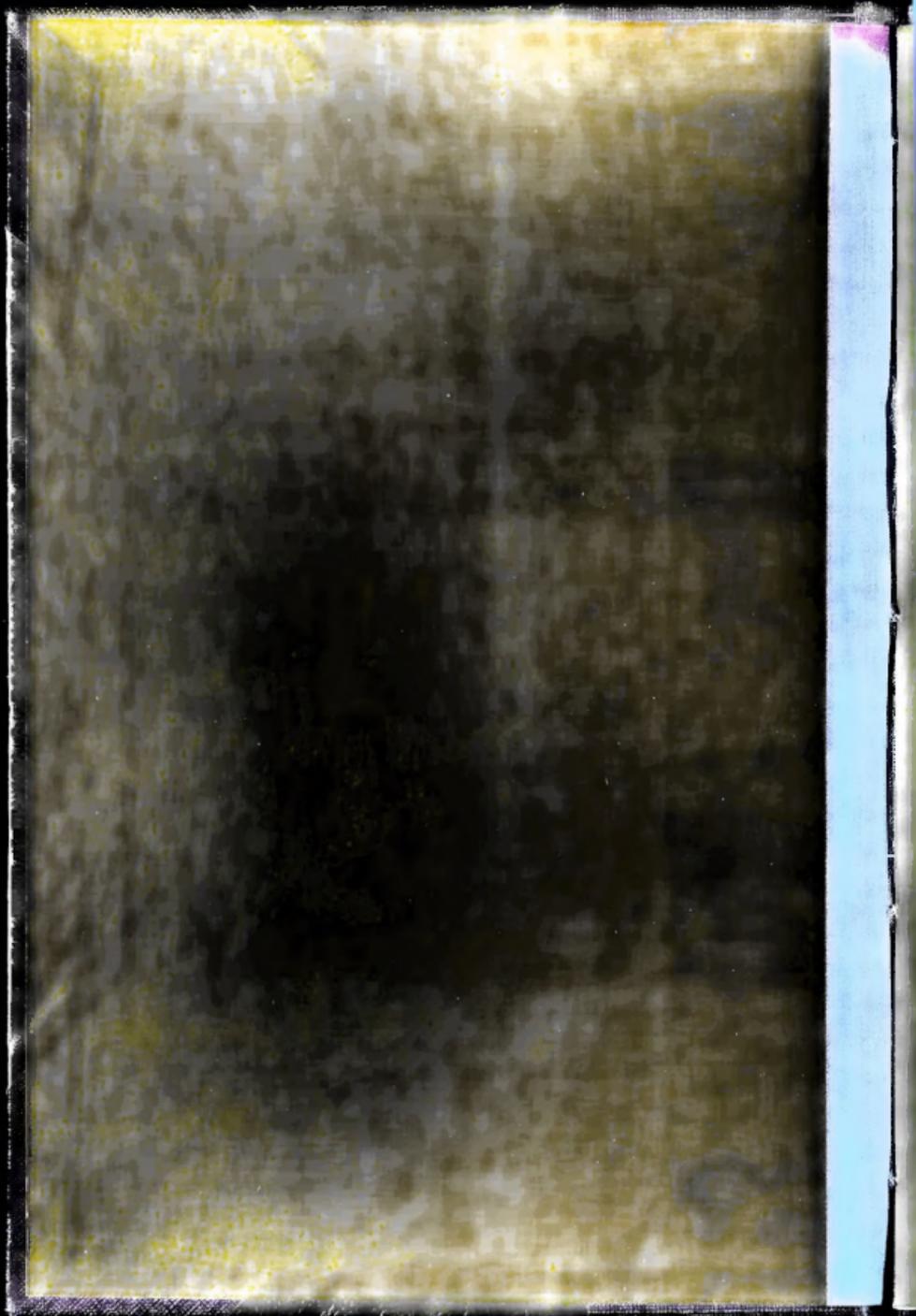
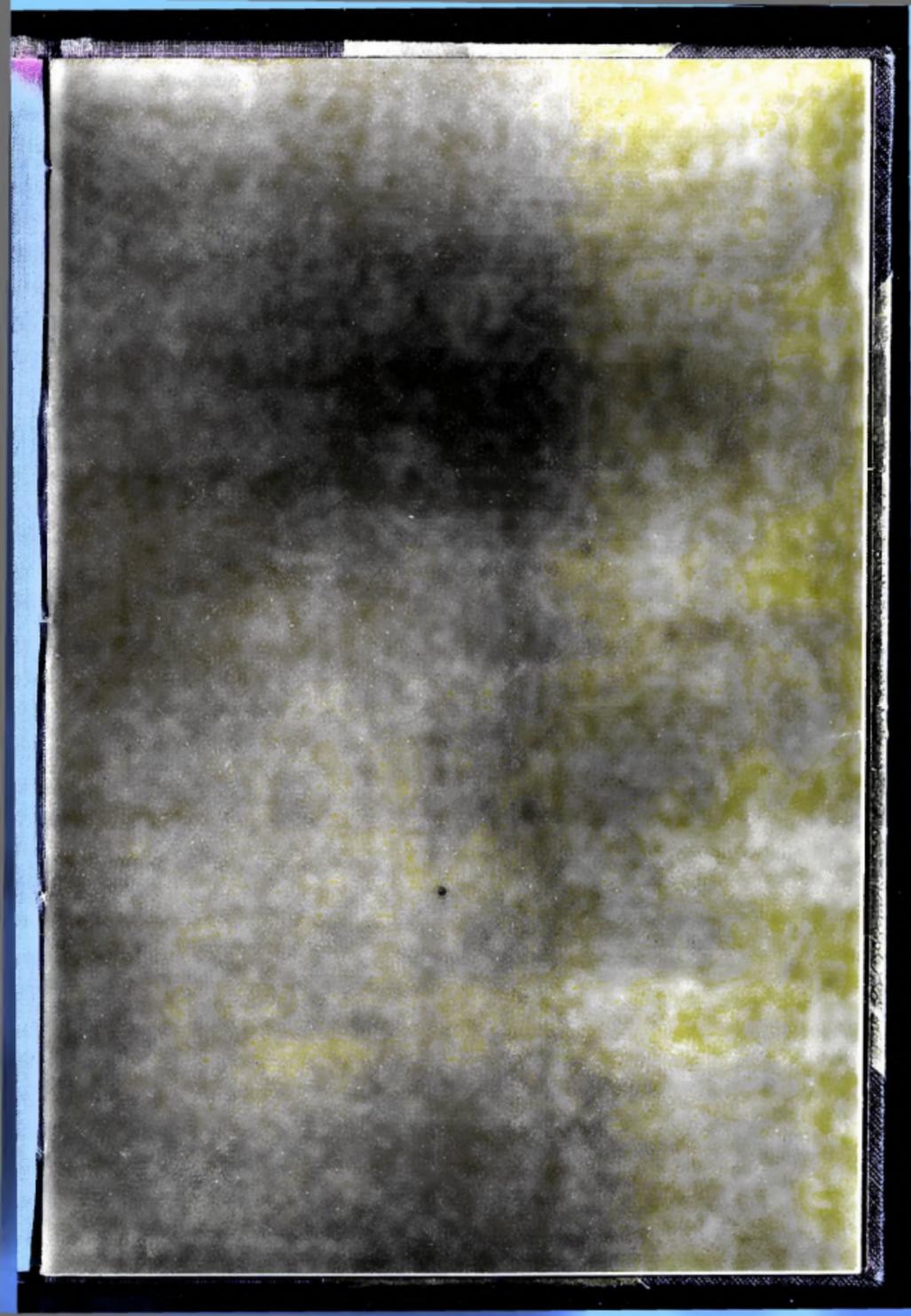

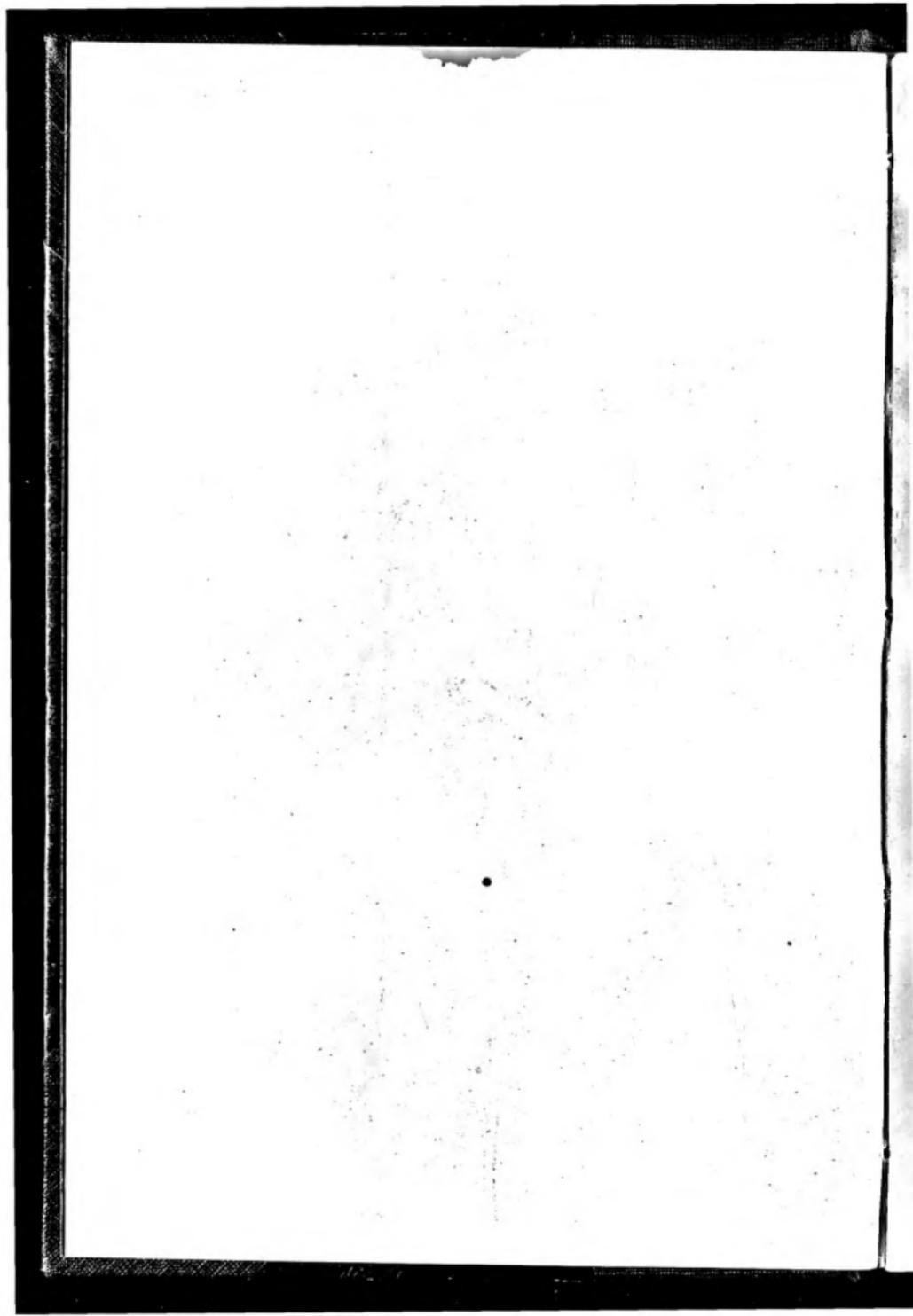
Третья

**ЧТО ЖЕ
ДАЛЬШЕ**

4225

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партия.

ЕНП
4841

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

Л. ТРОЦКІЙ.

X

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

(Итоги и перспективы).

Цена 50 коп.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1917 г.

1

EH171
4841

Библиотека
Института Денки
Учреждение РАН (63)

~~(1283) / 12244~~
~~3004~~
e 1.
26

1063254

Емѣсто предисловія.

Со дня наступленія на вѣншемъ фронтѣ, съ 18-го іюня, началось отступленіе революціи на фронтѣ внутреннемъ. Это отступленіе, руководимое официальной „демократіей“, приняло послѣ дней 3—5 іюля панической характеръ. Сейчасъ оно представляетъ нѣсколько болѣе упорядоченный видъ не приостанавливаясь однако ни на одной частъ. Война на нашихъ глазахъ пожираетъ революцію. А такъ какъ войной командуютъ генералы, то они же прибираютъ къ рукамъ дѣйствительную власть.

На чемъ это остановится? Для прогноза нужно себѣ прежде всего отдать отчетъ въ характеръ тѣхъ силъ, которыя борются на политической сценѣ или... безъ борьбы капитулируютъ на ней. Такова задача настоящаго очерка.

Первые двѣ главы написаны до московскаго совѣщанія. Мы ихъ оставляемъ въ неизмѣненномъ видѣ. Пытаясь предугадать смыслъ и послѣдствія московскаго священнодѣйствія, мы исходили не изъ заявленій лидеровъ и декламаций газетъ (никогда, кажется, лидеры и газеты не лгали, какъ теперь), а изъ классовыхъ интересовъ и политическихъ дѣйствій: этотъ рекомендованный Марксомъ методъ несравненно болѣе надеженъ.

Даже послѣ того, какъ Временное Правительство разоружило революціонный Петербургъ и надъ краснымъ знаменемъ утвердило казацкую піку, оно не посмѣло провоцировать петербургскихъ рабочихъ зрѣлищемъ совѣщанія, которое назвали государственнымъ, чтобъ не назвать антинароднымъ. „Живыя силы“ были приглашены въ благочестивую и спокойную Москву. Но московскій пролетаріатъ встрѣтилъ незваныхъ гостей стачкой протеста и презрѣнія. Отомщенный пролетаріатъ Петербурга вдохнулъ въ тотъ день полной грудью.

Съ позволенія московскихъ товарищей-рабочихъ, посвящаю имъ эту брошюру.

Л. Т.

. Что случилось?

Никто не говорит толком, для чего собирается московское совещание. Больше того: все будущие участники совещания заявляют, искренно или лицемерно, что они не знают, для чего собственно их приглашают в Москву. При этом почти все отзываются о совещании вежливо или пренебрежительно. Между тем все идет. Что за причина такая?

Если оставить в стороне пролетариат, который занимает особое место, то участники московского совещания распадаются на три группы: представительство капиталистических классов, организация мелкобуржуазной демократии и правительство.

Имущие классы вообще всего представлены кадетской партией. За нее стоят помещики, организация торгово-промышленного капитала, финансовая клика, профессорская корпорация. У каждой из этих групп имеются свои особые интересы и политические виды. Но общая опасность со стороны рабочих, крестьянских и солдатских масс сплачивает капиталистические классы в один союз контр-революции. Не прекращая своих монархических интриг и заговоров, дворянски-бюрократические и штабно-генеральские круги считают однако необходимым до поры до времени поддерживать кадета. С своей стороны, буржуазные либералы, подозрительно косясь на монархические клики, очень однако ценят их поддержку против революции. Таким образом, кадетская партия превращается в обобщенное представительство крупной и средней собственности всех категорий. Все притязания имущих, все домогательства эксплуататоров сливаются сейчас в капиталистическом цинизме и империалистическом безстыдстве Милюкова. Его политика состоит в том, чтобы подстергать все неудачи революционного режима, все его алоключения и беды и, пользуясь до поры до времени „сотрудничеством“ меньшевиков и эсеров, компрометировать их этим „сотрудничеством“ и дожидаться своего часа. А за спиной Милюкова дожидается своего часа Гурко.

Эсеро-меньшевистская же демократия опирается на крестьянские массы, мелкий городской люд и на отсталых рабочих; при этом чем дальше, тем больше обнаруживается, что главная сила — в эсерах, а меньшевики — с боку припека. Под руководством этих двух партий, Совьеты, поднятые сперва полустихийным напором масс на огромную высоту, с часу на час теряют свое значение и сходят на нет. Где причина? Маркс отмечал, что маленькие „великие люди“ мещанства, когда история дает им щелчок в нос, никогда не ищут причины своих неудач

въ своей собственной несостоятельности, а непременно открываютъ чемъ-нибудь подвохъ въ шпигру. Какъ же было Церетелли не узнатьъ за „заговоръ“ 3—5 июля для объясненія жалкаго провала всей своей политики? Когда Либеры, Гоцы и Войтинские спасли устои порядка отъ „анархiи“, которая, имъ, впрочемъ, не угрожала, эти господа искренно вѣрили, что имъ, подобно гусямъ спасшимъ Капитолій, молагается награда. И когда они замѣтили, что неуваженіе къ нимъ буржуазіи выросло прямо пропорціонально ихъ усмирительному усердію противъ пролетаріата, они были поражены. Церетелли, самъ Церетелли, великій магъ общихъ мѣстъ, оказался выкинутъ за бортъ, какъ слишкомъ революціонный балластъ. Совершенно ясно: пулеметный полкъ „сорвалъ“ революцію.

И если Церетелли со своей партией оказался въ лагерѣ контръ-развѣдки, Половцева и юнкеровъ, помогая имъ разоружать рабочихъ въ интересахъ контръ-революціи, то впрочемъ тому не политическая лiнiя Церетелли, а вышлепленіе совращеннаго большевиками пулеметнаго полка. Такова философія исторіи политическихъ банкротовъ мѣщанства!

На самомъ дѣлѣ дни 3—5 июля потому стали поворотнымъ моментомъ въ развитіи революціи, что они обнаружили полную неспособность руководящихъ партій мелкобуржуазной демократіи взять въ свои руки власть. Послѣ жалкаго крушенія коалиціоннаго правительства не было казалося, другого похода, кромѣ взятія всей власти Совѣтомъ. Меньшевики и эсеры, однако, не рѣшались. Взять власть, разсуждали они, значитъ разсориться съ банкирами и дипломатами, — это авантюризмъ. И когда, несмотря на грозный смыслъ событій — 7 июля, вожди Совѣта продолжали гоняться за Ефимовымъ, имущимъ классомъ стало окончательно ясно, что совѣтскіе политики стоятъ передъ ними такъ, какъ мелкій лавочникъ стоитъ передъ банкротомъ: со шляпою въ рукѣ. Это именно и придало духу контръ-революціи.

Весь предшествующій періодъ революціи, стоитъ подъ знакомъ такъ называемаго **двоевластія**. Эта характеристика исходящая отъ либераловъ, въ сущности очень поверхностна. Дѣло не въ томъ только, что рядомъ съ правительствомъ стоялъ Совѣтъ, который выполнялъ цѣлый рядъ правительственныхъ функцій Даны и Церетелли вѣдь все, что отъ нихъ зависѣло, чтобъ „безболѣзненно“ ликвидировать раздвоеніе власти, передавъ ее цѣлкомъ правительству. Но суть въ томъ, что за Совѣтомъ и за правительствомъ стояли два разныхъ режима, опиравшихся на разные классы.

За Совѣтомъ стояли рабочія организации, вытѣснившія на каждомъ заводѣ самодержавіе капиталиста и устанавливавшія въ предриятіи республиканскій режимъ, который однако не совмѣстимъ съ капиталистической анархiей и требовалъ неотвратимо общегосударственнаго контроля надъ производствомъ. Въ отстаиваніи правъ собственности капиталисты искали опоры наверху, въ правительствѣ, толкали его со все-возрастающей энергіей противъ Совѣтовъ и заставляли его убѣждаться, что ему не хватаетъ самостоятельнаго аппарата, т. е. орудія репрессій надъ рабочими массами. Отсюда вошла противъ „двоевластія“

За Советом стояли выборные организации в армии и весь вообще режим солдатской демократии. Временное правительство, идущее нога в ногу с Ллойд-Джоржем, Рибо и Вильсоном, признающее старая обязательства царизма и действующее старыми методами тайной дипломатии, не могли не наталкиваться на враждебное сопротивление нового армейского режима. Это сопротивление на верхах преломлялось в крайне ослабленном виде, через Совет. Отсюда жалобы, особенно со стороны генералитета на двосластие.

Наконец, и крестьянский Совет, не смотря на жалкий оппортунизм и грубый повизнизм своих вождей, стоял под все возрастающим давлением съездов, где захваты принимали тем более угрожающую форму, чем больше им сопротивлялось правительство. До какой степени это послѣднее являлось орудие крупной собственности, лучше всего видно изъ того, что послѣдній запретительно-полицейскій циркуляръ Церетелли ничуть не отличался отъ циркуляровъ кн. Львова. И поскольку на мѣстах съезды и крестьянскіе комитеты пытались установить новый земельный режимъ, они попадали въ жестокое противорѣчіе съ „революціонной“ властью, которая все болѣе превращалась въ цѣнную собаку частной собственности.

Дальнѣйшее развитіе революціи означало переходъ всей власти къ Совету и использование этой власти въ интересахъ трудящихся противъ собственниковъ. Но углубленіе борьбы противъ капиталистическихъ классовъ должно было неминуемо отнести въ средѣ трудящихся массу первую роль самому рѣшительному классу, т. е. промышленному пролетариату. Для введенія контроля надъ производствомъ и распределеніемъ пролетариатъ имѣлъ крайне цѣнные образцы на Западѣ, прежде всего въ такъ называемомъ „военномъ социализмѣ“ Германіи. Но такъ какъ у насъ эта организующая работа можетъ быть произведена только на основѣ аграрной революціи и подъ руководствомъ действительно-революціонной власти, контроль надъ производствомъ и его постепенная организациа были бы цѣлкомъ направлены противъ интересовъ капитала. Въ то время какъ имущіе классы стремились черезъ Временное Правительство установить режимъ „крѣпкой“ капиталистической республики, — полномочіе советовъ, отнюдь еще не означая „социализма“, сломило бы во всякомъ случаѣ сопротивленіе буржуазіи и — въ зависимости отъ наличныхъ производительныхъ силъ и положенія на Западѣ — направляло бы и преобразовывало экономическую жизнь въ интересахъ трудящихся массъ. Сбросивъ съ себя оковы капиталистической власти, революція стала бы перманентной, т. е. непрерывной, она примѣняла бы государственную власть не для того чтобы упрочить режимъ капиталистической эксплуатаціи, а наоборотъ для того, чтобы преодолѣть его. Въ окончательный успѣхъ на этомъ пути зависѣлъ бы отъ успѣховъ пролетарской революціи въ Европѣ. Съ другой стороны, русская революція способна была дать тѣмъ болѣе могущественный толчекъ революціонному движенію на Западѣ, тѣмъ рѣшительнѣе и мужественнѣе она продолжала сопротивление соб-

ственной буржуазии. Такова была и остается единственно реальная перспектива дальнейшего развития революция.

Но фантазерам филлистерства эта перспектива представлялась „утопической“. Чего они хотели? Они этого сами никогда не умели формулировать. Церетелли говорил во всёх надеждах о „революционной демократии“, явно не понимая, что это такое. Не только эсеры, привыкшие плавать в волнах демократической фразеологии, но и меньшевики совершенно отбросили в сторону классовый критерий, как только они начал слишком явно уличать мелко-буржуазный характер их политики. Режим „революционной демократии“ все обясняет и все оправдывает. И когда старые охранники засовывают грязные пальцы в карман к большеннику, то это делается не иначе, как во имя „революционной демократии...“ Но не будем забывать вперед.

Представляла власть буржуазии или „нейтрализацию“ власть путем коализации, эсеро-меньшевистская демократия фактически обезглавливала революцию. Сь другой стороны, отстаивая совёты, как свои органы, мелкобуржуазная демократия фактически препятствовала правительству создать административный аппарат на мёстах. Правительство оказывалось не только бессильно на добро, но малосильно на зло. Совёты, носившиеся сь довольно широкими планами, ни одного из них не могли пронести в жизнь. Насаждаемый сверху режим капиталистической республики и формировавшийся снизу режим рабочей демократией парализовали друг друга. Всюду, гдѣ они сталкивались, возникали бесчисленные конфликты. Министры и комиссары усмиряли органы революционного самоуправления, командиры скрежетали зубами против армейских комитетов, совёты металась между массой и правительством. Кризис следовал за кризисом, приходили и уходили министры. Раздражение на низах было тѣмь острѣе, чѣмь болѣе растерянный и бессистемный характер имѣли нажимы власти. А сверху вся жизнь представлялась сплошнымъ разливомъ „анархii“.

Ясно, что малодушно-двойственный режимъ мѣшайской „демократii“ былъ внутренне-несостоятеленъ. И чѣмь глубже были стояция передъ революцией проблемы, тѣмь болѣзненное обнаруживалась эта несостоятельность. Вся государственная постройка стояла на голомъ или на двухъ-трехъ головахъ. Неосторожный жестъ Милюкова, Керенского или Церетелли грозилъ всегда обрушить ее цѣлкомъ. И чѣмь дальше тѣмь рѣче становилась альтернатива: либо Совѣтъ долженъ взять власть, либо капиталистическое Правительство должно смести Совѣты. Нужно было только вѣтший толчекъ, чтобы окончательно выбить изъ равновѣсія все здание. Такимъ вѣтшимъ толчкомъ для внутренне-обреченной системы явились события 3—5 июля. Мелкобуржуазная „идиллиа“, основанная на „миромъ“ сожительствѣ двухъ-исключающихъ друг друга режимовъ, получила смертельный удар. А Церетелли получилъ возможность занисать въ свои мемуары, что его плачь спасения Россii оказался сорванъ пулеметнымъ полкомъ:

II. Элементы бонапартизма.

Мелкий лавочник—человек трезвенный: он паче всего боится „прысковать“. Но в то же время он и величайший фантаст: каждый мелкий лавочник надеется стать Ротшильдом. Это сочетание художной трезвенности с бесплодной фантастикой составляет самую сущность мелкобуржуазной политики. Не следует думать, писал Маркс, будто представителями мелкой буржуазии непременно должны быть скаредные торговцы. Нет, по своему умственному уровню они могут высоко стоять над забытым мещанством. Но „выразителями идей мелкого буржуа их делает то, что их мысль не выходит из тех рамок, в которых заключена его жизнь, что поэтому они теоретически приходят к тем же задачам и тем же решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически“.

Санхо-Пансо воплощает пошлую трезвенность. Но ему отнюдь не чужда романтика: иначе он не пошел бы за Дон-Кихотом. Трезвенность мелкобуржуазной политики наиболее законченно и потому наиболее отталкивающе выражает Дань. Церетелли дает сочетание этой трезвенности с романтикой. „Только дурак ничего не боится!“ сказал Церетелли Мартову. Благонамбренный мещанский политик, наоборот, боится всего: он боится разгневывать своих кредиторов, он боится, что дипломаты примут в серьез его „пацифизм“, а больше всего он боится власти. Так как „дурак ничего не боится“, то мелкобуржуазный политик считает, что всесторонней трусостью он себя страхует от глупости. И в то же время он надеется стать Ротшильдом: вставив два-три слова в дипломатическую ноту Терещенки он надеется приблизить мир; князю Львову он надеется внушить свои вѣрвѣшя средства против гражданской войны. А кончасть великий мелкобуржуазный импротворитель тем, что разрушает рабочих, отнюдь не разрушая ни Половцева, ни Каледина. И когда вся эта политика разсыпается прахом от первого серьезного толчка, Церетелли и Дань объясняют всем, кто им хочет вѣрить, что революция отброшена назад не неспособностью мелкобуржуазной демократии взять в свои руки власть, а „мятежком“ пулеметного поля.

В течение многолѣтних споров о характерѣ русской революціи меньшевизм доказывал, что носительницей революціонной власти станет у нас мелкобуржуазная демократія. Мы доказывали, что мѣщанская демократія уже неспособна справиться съ этой задачей, и что довести революцію до конца способен только пролетаріатъ, опирающийся на народные низы. Теперь исторія подвела дѣло такъ, что меньшевизм оказался политическимъ представителемъ мелкобуржуазной демократіи, чтобы на собственномъ примѣрѣ доказать ея полную неспособность справиться съ проблемой власти, т. е. взять на себя руководящую роль въ революціи.

Въ „Рабочей Газетѣ“, въ этомъ органѣ поддѣльнаго, дановскаго даншированнаго „марксизма“, дѣлаются попытки наклеить на насъ кличку

„третьейюльцовъ“. Что въ движеніи 3-го июля мы всѣми симпатіями нашими были съ рабочими и солдатами, а не съ юнкерами, Половцевыми, Либеромъ и контръ-развѣдкой, это несомнѣнно. Мы бы заслуживали презрѣнія, еслибы это было иначе. Но пусть поостерегутся банкроты „Рабочей Газеты“ слишкомъ напирать на 3-е июля, ибо это въѣдь день ихъ политическаго самоупражденія. Кличка **третьейюльцевъ** можетъ легко повернуться къ нимъ другимъ концомъ. 3-го июля 1917 г. хищныя какки царской Россіи совершили государственный переворотъ, чтобы захватить въ свои руки государственную власть. 6 июля 1917 г., въ моментъ глубочайшаго кризиса революціи, мелкобуржуазные демократы громогласно провозгласили, что они не способны и не хотятъ взять въ свои руки власть. Съ ненавистью отшатнувшись отъ революціонныхъ рабочихъ и солдатъ, которые требовали отъ нихъ выполненія элементарнаго, революціоннаго долга, **третьейюльцы** заключили союзъ съ подлинными **третьейюльцами** въ цѣляхъ обузданія, разоруженія и заточенія социалистическихъ рабочихъ и солдатъ. Предательство мелкобуржуазной демократіи, ея позорная капитуляція передъ контръ-революціонной буржуазіей—вотъ что измѣнило соотношеніе силъ, какъ это уже не разъ бывало въ исторіи революціи.

Въ этихъ условіяхъ строилось послѣднее министерство, которое Скобелевъ съ благодарной почтительностью подмастерья и отношенію къ мастеру называлъ не иначе, какъ „правительствомъ Керенскаго“. Безвольный, безсильный, расклябанный режимъ мелкобуржуазной демократіи уперся въ личную диктатуру

Подъ фирмой такъ называемаго **двоевластія** шла борьба двухъ непримиримыхъ классовыхъ тенденцій: империалистической республики и рабочей демократіи. Пока борьба оставалась неразрѣшенной, она парализовала революцію и неизбежно порождала явленія „анархіи“. Руководимыя политикомъ, которые всего боятся, Совѣтъ **не смѣлъ** брать власть. Представительница всѣхъ кланъ собственности, кадетская партія, еще не **могла** взять власть. Оставалось искать великаго примирителя, посредника, третейскаго судью.

Еще въ серединѣ мая Керенскій былъ названъ въ засѣданіи Петербургскаго Совѣта „математической точкой русскаго бонапартизма“. Уже эта безцѣлесная характеристика показываетъ, что дѣло шло не о личности Керенскаго, а объ его исторической функціи (дѣятельности, роли). Было бы посмотрительно утверждать, что Керенскій сдѣланъ изъ того же матеріала, какъ и нервый Бонапартъ; это нужно считать по меньшей мѣрѣ недоказаннымъ. Но популярность его, разумѣется, не случайна. Керенскій оказался ближе и понятнѣе всѣхъ всероссійской обывательщинѣ. Защитникъ по политическимъ дѣламъ, „соціалъ-революціонеръ“, который стоялъ во главѣ трудовиковъ, радикалъ безъ какой бы то ни было социалистической школы—Керенскій полнѣе всего отражалъ первую эпоху революціи, ея „національную“ безформенность, захватительный идеализмъ ея надеждъ и ожиданій. Онъ говорилъ о землѣ и волѣ, о порядкѣ, о мирѣ народовъ, о

защитѣ отечества, о героизмѣ Либкнехта, о томъ, что русская революція должна поразить міръ своимъ великодушіемъ, и размахивалъ при этомъ краснымъ шелковымъ платочкомъ. Подуспрившійся обыватель съ восторгомъ слушалъ эти рѣчи: ему казалось, что это онъ самъ говоритъ съ трибуны. Армія встрѣтила Керенскаго, какъ избавителя отъ Гучкова. Крестьяне слышали о немъ, какъ о трудовикѣ, о мужицкомъ депутатѣ. Либераловъ, подкупала крайняя увѣренность идей подъ безформеннымъ радикализмомъ фразъ. Насторожкѣ были только передовые рабочіе. Но ихъ Совѣты успѣшно растворили въ „революціонной демократіи“.

Свобода отъ предразсудковъ доктрины позволила Керенскому первымъ изъ „соціалистовъ“ вступить въ буржуазное правительство. Онъ же первый заклеилъ именемъ „анархія“ обострившуюся социальную требовательность массъ, пригрозивъ еще въ маѣ финляндцамъ скорпіонами и бросилъ свою пышную фразу о „возставшихъ рабахъ“, которая балазамомъ пролилась на сердца всѣхъ огорченныхъ собственниковъ. Такимъ образомъ его популярность представляла собою клубокъ противорѣчій, въ которыхъ отражалась безформенность перваго періода революціи и безвыходность второго. И когда исторія открыла вакансію на третейскаго судью, въ ея распоряженіи не оказалось ближе подходящаго человѣка, чѣмъ Керенскій.

„Историческое ночное засѣданіе въ Зимнемъ Дворцѣ было только репетиціей того политическаго униженія, которое „революціонная“ демократія подготовила для себя на московскомъ совѣщаніи. Всѣ козыри въ этихъ переговорахъ оказались въ рукахъ у кадетъ: эсеро-меньшевистская демократія, одерживающая побѣды на всѣхъ безъ исключенія демократическихъ выборахъ и на смерть испуганная своими побѣдами смиренно просить ценовыхъ либераловъ о сотрудничествѣ въ правительствѣ! Такъ какъ кадеты не побоялись 3-го іюля подкинуть власть Совѣту и такъ какъ, съ другой стороны либералы не боятся взять въ свои руки всю власть дѣлякомъ, то ясно, что они являются господами положенія.

Если Керенскій былъ послѣднимъ словомъ немощной совѣтской гегемоніи, то цуетъ теперь онъ станетъ первымъ словомъ освобожденія отъ этой гегемоніи.—До поры до времени мы принимаемъ Керенскаго, но съ тѣмъ, чтобы въ перерѣзали пуповину, связывающую его съ Совѣтомъ!—таковъ былъ ультиматумъ буржуазіи.

— Къ сожалѣнію, пренія въ Зимнемъ Дворцѣ не отличались содержательностью—жаловался Данъ, докладчикъ униженія въ засѣданіи Исполнительныхъ Комитетовъ.

Трудно обвинять все глубокомысліе этой жалобы со стороны парламента „революціонной“ демократіи, который ушелъ изъ Таврическаго Дворца вечеромъ еще съ властью, а вернулся къ утру пораженнымъ. Свою долю власти вожди эсеровъ и меньшевиковъ почтительно сложили у ногъ Керенскаго... Кадеты милостиво приняли этотъ даръ: они-то во всякомъ случаѣ смотрѣли на Керенскаго не какъ на великаго третейскаго судью, а только какъ на передаточную инстанцію. Брать всю власть въ свои

руки немедленно было бы для них слишком опасно в виду неизбежного революционного отпора масс. Гораздо разумнее было предоставить „независимому“ отряну Керенскому при содействии Авксентьевых, Савиных и других проложить дорогу для чисто буржуазного правительства при помощи системы все больше и больше разнуданных репрессий.

Новое коалиционное министерство — „правительство Керенского“ — было составлено. На первый взгляд оно ни чьим не отличалось от той коалиции, которая так безславно развалилась 8-го июля. Ушел Шингарев, пришел Кокочкин; выступил Церетели, вступил Авксентьев. Некоторое понижение личного состава подчеркивало лишь, что обе стороны смотрели на кабинет, как на переходный. Но гораздо важнее коренное изменение „значимости“ обеих групп. Раньше — в идее, по крайней мере — министры — „социалисты“ считались подотчетными представителями Совѣтов: буржуазные министры должны были служить для них прикрытием предъ лицомъ союзниковъ и биржи. Теперь наоборот: буржуазные министры входят, как подчиненный органъ, въ составъ открытаго контр-революціоннаго блока имущихъ (кадетская партія, торгово-промышленники, союзъ землевладельцевъ, Временный Комитетъ Думы, казачій кругъ, ставка, союзная дипломатія...), а министры-социалисты входят лишь какъ прикрытіе предъ лицомъ народныхъ массъ. Встрѣченный молчаніемъ Исполнительныхъ Комитетовъ, Керенскій добился оладій общаіемъ не допускать возстановленія монархіи. Такъ низко пала требовательность мѣщанской демократіи! Авксентьевъ призываетъ всѣхъ къ „жертвенности“, неумѣренно расходуя кантиански-целомудрскій пафосъ, свой основной ресурсъ и какъ полагается идеалисту у власти, онъ на помощь категорическому императиву усердно привлекаетъ казаковъ и юнкеровъ. А выдвинувшіе его крестьянскіе депутаты съ изумленіемъ озираются вокругъ, замѣчая, что, прежде чѣмъ они экспроприровали помещичью землю, кто-то эспроприровалъ у нихъ вліяніе на государственную власть.

Контр-революціонные штабы, всячески тѣся армейскіе комитеты, широко используютъ ихъ въ то же время для репрессій надъ массами и подрывая такимъ путемъ авторитетъ солдатскихъ организацій готовятъ ихъ паденіе. Буржуазная контр-революція нѣветъ въ своемъ распоряженіи для тѣхъ же цѣлей министровъ - „соціалистовъ“, а эти послѣдніе увлекаютъ въ своемъ голововокружительномъ паденіи тѣ самые Совѣты, отъ которыхъ они нѣтъ независимы, но которые попрежнему зависямы отъ министровъ. Послѣ отказа отъ власти демократическимъ организаціямъ приходится нѣтъ ликвидировать и свой авторитетъ. Такимъ образомъ все праготовляется къ пришествію Милюкова. А за его спишко дожидается своего часа Гурко.

Московское совѣданіе получаетъ свой смыслъ только въ связи съ этимъ общимъ направленіемъ политическаго развитія на верхкахъ.

Кадеты до послѣднихъ дней относились къ совѣданію не только безъ энтузіазма, но прямо съ недовѣрчивостію. Съ нескрываеомой не-

приятною къ путешествію въ Москву относится и „Дѣло Парода“, органъ той партіи, которая представлена въ правительствѣ Керенскимъ, Авксентьевымъ, Савинковымъ, Черновымъ и Лобедевымъ. „Ѣхать, такъ Ѣхать“, пишетъ со вздохомъ „Рабочая Газета“, подражая тому попугаю, котораго кошка тащила за хвостъ. Речи Рябушинскихъ, Алексѣевыхъ, Каледниковъ и пр. и правящей „шайки шарлатановъ“ отнюдь не свидѣтельствуютъ объ ихъ готовности къ жертвеннымъ объятіямъ съ Авксентьевымъ. Наконецъ и правительство, какъ сообщаютъ газеты, не придаетъ московскому совѣщанію „рѣшающаго значенія“. *Qui prodest?* Кому же это совѣщаніе нужно и для чего?

сно, какъ божій день, что оно цѣлкомъ направлено противъ Совѣтовъ. Эти послѣдніе не идутъ на совѣщаніе, ихъ туда тащить на арканѣ. Совѣщаніе нужно контръ-революціоннымъ классамъ, какъ опора для окончательнаго низложенія Совѣтовъ. Но почему же отвѣтственные органы буржуазіи относятся къ совѣщанію такъ сдержанно? Потому что оно прежде всего нужно для упроченія „надклассовой“ позиціи верховнаго третейскаго судьи. Милюковъ бонсся, что Керенскій выйдетъ съ совѣщанія слишкомъ окрѣпшимъ, и что въ результатѣ слишкомъ затанутся политическіе канюклы Милюкова. А вѣдь каждый патриотъ торопится спасти отечество на свой ладъ.

Въ результатѣ „исторической“ ночи въ Зимнемъ Дворцѣ получился режимъ Керенскаго, зтотъ бонапартизмъ приготовительнаго класса. Но московское совѣщаніе, по своему составу и по своимъ цѣлямъ, есть воспроизведеніе исторической ночи такъ сказать при свѣтѣ дня. Церетелли долженъ будетъ еще разъ на всю Россію объяснить, что переходъ власти къ революціонной демократіи былъ бы несчастьемъ и гибелью революціи. Послѣ этого торжественнаго провозглашенія собственнаго банкротства представителямъ революціонной демократіи дано будетъ услышать направленный противъ нихъ грозный обвинительный актъ, зараніе сформулированный Родзянкой, Рябушинскимъ, Милюковымъ, ген. Алексѣевымъ и другими „живыми силами“ страны. Наша имперіалистическая кланка, которой правительствомъ въ московскомъ совѣщаніи отведенъ красный уголь, выдвинетъ лозунгъ: „вся власть намъ“. Совѣтскіе вожди, лицомъ къ лицу съ необозримостью аппетитовъ имущихъ классовъ будутъ угрожать имъ возмущеніемъ тѣхъ самыхъ рабочихъ и солдатъ, которыхъ Церетелли разоружалъ за лозунгъ „Вся власть Совѣтамъ!“ Въ качествѣ предѣдателя, Керенскому останется только констатировать наличность „разногласія“ и обратить вниманіе „заинтересованныхъ сторонъ“ на то, что имъ никакъ не обойтись безъ третейскаго судьи. Что и требовалось доказать.

„Еслибъ и былъ въ правительствѣ, — признавался на заѣданіи Центр. Исп. К-та меньшевикъ Богдановъ, — я этого совѣщанія не созывалъ бы, ибо правительство не достигнетъ на немъ того, къ чему стремится: укрѣпленія и расширенія своей базы“. Надо признать, что эти „реальные“ политики совершенно не понимаютъ того, что происходитъ при ихъ ближайшемъ участіи. Послѣ насала коалиціи 1-го июля отказъ Совѣта

вести власть **исключать** возможность создания правительства на широкой базѣ. Безконтрольное правительство Керенскаго есть по принципу правительство безъ социальной базы. Оно сознательно встало между двумя возможными базами: трудящейся массой и империалистическими классами. Въ этомъ и состоитъ его бонапартизмъ. Московское совѣщаніе имѣетъ своей задачей сплотивъ лбами цеповыя и демократическія партіи, упрочить личную диктатуру, которая политикой безответственнаго авантюризма подрываетъ всѣ завоеванія революціи.

Для этой цѣли оппозиція слѣва также необходима, какъ и оппозиція справа. Нужно только, чтобы онѣ приблизительно уравновѣшивали другъ друга и чтобы социальныя условія поддерживали это равновѣсіе. Но этого то именно и нѣтъ.

Древній царизмъ выросъ изъ борьбы классовъ въ средѣ свободного общества; но подъ вѣями борющимися фракціями и ихъ цезаремъ была устойчивая база рабочаго труда. Новый цезаризмъ, выросшій изъ борьбы пролетариата и буржуазіи ищетъ необходимой опоры въ пассивной устойчивости крестьянства; при этомъ главнымъ орудіемъ бонапартизма является дисциплинированная армія. У насъ же ни одного изъ этихъ условій еще нѣтъ на лицо. Все общество пронизано обожженными антагонизмами, достигшими высшей степени напряженности. Борьба между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками, солдатами и генералитетомъ, угнетенными національностями и центральной властью не оставляетъ для этой послѣдней никакихъ элементовъ, устойчивости, если только правительство не рѣшится связать свою судьбу съ одной изъ борющихся силъ. До завершения аграрной революціи попытки „надклассовой“ диктатуры будутъ неизбежно оставаться эфемерными (скоротечными).

Милюковъ, Родзянко, Рябушнскій хотятъ, чтобы власть окончательно отождествилась съ ними, т. е. превратилась въ контръ-революціонную диктатуру эксплуататоровъ надъ революціонными рабочими, крестьянами и солдатами. Керенскій хочетъ демократію испугать контръ-революціей, а контръ-революцію—демократіей и на этомъ утвердить диктатуру личной власти, отъ которой массамъ будетъ не лучше. Но все это счеты безъ хозяина. Революціонныя массы еще не сказали своего послѣдняго слова.

Армія въ революціи.

Въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ шла съ первыхъ же дней революціи та же борьба: между рабоче-крестьянской демократіей, складывавшейся снизу, и империалистической республикой, которую имущія классы пытались строить сверху.

Господа генералы успѣли „признать“ республику—по крайней мѣрѣ, до поры—до времени—въ твердомъ разсчетѣ на то, что республика

признает их генеральство и даже возвеличить его, устранивъ великокняжеских бездѣльниковъ. „Национальная“ революція озмачала въ ихъ глазахъ дворцовый переворотъ: снять Николая и его Алису, но сохранить цѣликомъ классовую дисциплину и воинское чинопочитаніе... На дняхъ телеграфъ сообщилъ, что греческій „вождь“ Вейпанлосъ объявляетъ Грецію „республикой, увеличивающейся королемъ“! Брусиловы, Гучковы, Родзянки и Миллюковы хотѣли, наоборотъ, сохранить Россію монархіей, освобожденной отъ царя. Но движеніе пошло иными, болѣе глубокими путями. Февральское возстаніе петербургскихъ полковъ не было плодомъ заговора: оно явилось результатомъ мятежнаго настроенія всей арміи и народныхъ массъ вообще. И возмущеніе рабочихъ и солдатъ направлялось не только противъ бездарнаго и прогнившаго царизма, неспособнаго вести имъ же вызванную войну, но и противъ самой этой войны. Глубочайшій переломъ, который проповодила революція въ настроеніи и поведеніи солдатъ, грозилъ не только непосредственнымъ имперіалистическимъ цѣлямъ войны, но и самому орудію этихъ цѣлей, старой арміи, построенной на командѣ сверху, неразумяющемъ повиновенію снизу.

Сейчасъ генералы, полковники, третьёюньскіе политики и буржуазные газетчики рвутъ и мечутъ противъ приказа № 1. Но ихъ мѣбію, не приказъ выросъ изъ глубочайшаго броженія въ арміи, а наоборотъ, броженіе явилось плодомъ приказа. Въ самомъ дѣлѣ: еще до вчерашняго дня солдаты подчинялись ихъ приказамъ, а сегодня перестали: не ясно ли, что они подчинились какому-то новому „приказу“, который въ книжѣ всходящихъ записанъ подъ № 1. Этотъ штабно-канцелярскій кретинизмъ замѣняетъ сейчасъ историческую точку зрѣнія самымъ широкимъ буржуазнымъ кругамъ.

Такъ называемое разложеніе арміи выразалось въ неповиновеніи начальству и въ непризнаніи этой войны своей войной. Именно въ виду этихъ явленій Керенскій бросилъ въ лицо пробуждающейся арміи своихъ „возставшихъ рабовъ“. Если буржуазія считала, что достаточно замѣнить Сухомлиновыхъ Гучковыми, чтобы снова впрычъ армію въ колесницу имперіализма, то Керенскій, въ своей мѣщанской поверхности и самовлюбленности, вѣрилъ, что достаточно ему смѣнить Гучкова, чтобы армія снова стала послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Полстнаѣ „безмысленныя мечтанія“!

Революція, если взять ее со стороны массовой психологіи, есть протѣрка разумомъ унаследованныхъ учрежденій и традицій. Всѣ бѣдствія, страданія и униженія, какія принесли народу и, въ особенности арміи война, увеличивались волей царя. Если въ Петербургѣ сбросили самого царя, то какъ же могли солдаты не сбрасывать съ себя власти тѣхъ офицеровъ, которые были наиболее ретивыми и протегуемыми проводниками системы царизма? Какъ могли солдаты не поставить передъ собою вопроса о смыслѣ и цѣли войны, разъ низложеннымъ оказался тотъ, отъ кого зависѣли прежде и война и миръ?

Советъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ обратился 14 марта съ манифестомъ къ народамъ Европы, призывая ихъ къ борьбѣ за демократическій миръ. Это то же былъ „Приказъ № 1-й „по отношенію къ вопросамъ мировой политики. Въ то время, какъ манифестъ явился попыткой отвѣта на жгучій непреодолимый вопросъ арміи и народа: **воевать ли дальше, и во имя чего?**—империалисты рисуютъ дѣло такъ, будто безъ манифеста этотъ вопросъ вовсе не пришелъ бы въ солдатскую голову, пробужденную громомъ революціи.

Милюковъ предчувствовалъ, что революція пробудитъ критику и самостоятельность въ арміи и слѣдовательно явится угрозой для империалистическихъ цѣлей войны. Поэтому онъ въ четвертой Думѣ открыто выступалъ противъ революціи. И если Милюковъ теперь шипитъ по поводу „Приказа“, Манифеста и Циммервальда, будто бы отравившихъ армію, то у него-то это во всякомъ случаѣ совершенно сознательная ложь. Милюковъ прекрасно понимаетъ, что главный „ядъ“ кроется не въ тѣхъ или другихъ „Приказахъ“ Совета, достаточно умѣренныхъ даже въ лучшую его пору, а въ самой революціи, которая перевела страданіе массъ на языкъ протестовъ, требованій и открытаго созимѣренія силъ.

Процессъ внутренней перестройки арміи и политической ориентировки ея солдатской массы прорвался страшной катастрофой на фронтѣ. Прямая причина этой катастрофы — въ противорѣчій между империалистической политикой, которая сдѣлала своимъ орудіемъ Временное Правительство, и стремленіемъ массъ къ скорѣйшему и „безобидному“ миру. Новая дисциплина и подлинный энтузіазмъ въ арміи могли развиваться только изъ самой же революціи, изъ мужественнаго разрѣшенія ея внутреннихъ задачъ и изъ ея столкновенія съ вѣшними препятствіями. Народъ и армія, почувствовавъ и убѣдившись, что революція есть ихъ революція, что правительство есть ихъ правительство, что оно ни предъ чѣмъ не останавливается въ защитѣ ихъ интересовъ противъ эксплуататоровъ, что оно не ставитъ себѣ никакихъ угнетательскихъ и грабительскихъ вѣшнихъ задачъ, что оно не ломитъ шапки передъ „союзными“ биржевиками, что оно открыто предлагаетъ народамъ немедленный миръ на демократическихъ основахъ,—трудящійся народъ и его армія оказались бы при такихъ условіяхъ проникнуты неразрывнымъ единствомъ, и если бы вѣмская революція не пришла во время намъ на помощь, русская армія съ такимъ же энтузіазмомъ боролась бы противъ Гогенцоллерна, съ какимъ русскіе рабочіе готовы отстаивать народныя завоеванія противъ покушеній контръ революціи.

Империалисты боялись этого пути, какъ смерти,—и они были правы. Кургузые политики мѣщанства не вѣрили въ этотъ путь, какъ мелкій лавочникъ не вѣритъ въ возможность экспроприаціи банковъ. Отвергая „утопін“, т. е. политику дальнѣйшаго развитія революціи, эсеры и меньшевики проводили ту именно гибельную политику двойственности, которая привела къ катастрофѣ.

Солдату сказали, и сказали правильно, что война—империалистическая, на обѣихъ сторонахъ, что русское правительство опутано со всѣхъ

сторонъ финансовыми, дипломатическими и военными договорами, пагубными для народовъ всѣхъ странъ, а потомъ прибавили: „а пока что войю на основѣ старыхъ договоровъ, рука объ руку со старыми союзниками“. Но вѣдь солдаты, идущій въ огонь, „пока что“ плетъ навстрѣчу смерти. Идти сознательно на высшую жертву можетъ только такой солдатъ, который охваченъ атмосферой коллективнаго энтузіазма; а этотъ послѣдній возможенъ только при условіи глубокой увѣренности въ правотѣ своего дѣла. Революція уничтожила психологію неразсуждающей „святой скотинки“. Никакой Корниловъ, никакой Калединъ не повернутъ исторію вспять и не возстановитъ палачной дисциплины, хотя бы на время, безъ ужасающихъ репрессій, которыя означаютъ длительную эпоху кроваваго хаоса. Сохраниться, какъ боеспособная величина, армія могла, лишь получивъ новыя цѣли, новыя методы, новую организацію. Необходимо было сдѣлать изъ революціи всѣ выводы. Тотъ режимъ половничатости и двусмысленности, какой создало для арміи Временное Правительство при содѣйствіи эсеровъ и меньшевиковъ, заключалъ въ себѣ неизбежную катастрофу. Армію вооружили извѣстными критеріями и дали ей возможность гласной критики. Въ то же время поставили передъ ней цѣли, явно не поддерживающія революціонной критики, и во имя этихъ цѣлей потребовали отъ нея, истощенной, голодной и разутой, сверхчеловѣческаго напряженія. Можно ли было сомнѣваться въ результатѣ, особенно при сознательномъ „пораженческой“ работѣ кое-какихъ штабныхъ генераловъ?

Но Временное Правительство описывало себя патетическимъ празднословіемъ. Солдатскую массу, находившуюся въ состояніи глубокаго броженія, господа министры считали матеріаломъ, изъ котораго можно сдѣлать все, что нужно опутавшимъ несчастною разоренною страну империалистамъ, свопмъ и чужимъ. Керенскій заклиналъ, угрожалъ, становился на колѣни, дѣловалъ землю, не давалъ однако солдатамъ отвѣта ни на одинъ мучившій ихъ вопросъ. Обманувъ себя дешевыми эффектами, онъ заручился поддержкой съѣзда совѣтовъ, гдѣ господствовала лекомысленная при всей своей „осторожности“ мѣщанская демократія, и скомандовалъ наступленіе. Это было въ буквальномъ смыслѣ слова „приказъ № 1“ российской контръ революціи.

4-го іюня мы, интернаціоналисты, огласили на съѣздѣ совѣтовъ декларацію по поводу готовившагося наступленія, и въ ней наряду съ принципиальной критикой, мы прямо указывали, что при данномъ состояніи арміи наступленіе есть военная авантюра, грозящая самому существованію арміи. Мы оказались слишкомъ правы. Правительство ничего не учло, ничего не предусмотрѣло. Правительствоныя партія меньшевиковъ и эс-еровъ улюлюкали по нашему адресу вмѣсто того, чтобы прислушаться къ нашимъ словамъ.

Когда несчастье, предсказанное большевиками разразилось, обвинили... большевиковъ. За трагедіей, вызванной лекомысліемъ и безответственностью, развернулась мерзость трусости. Всѣ вершители судебъ торопились взыскать вину на третьяго. Офиціозныя рѣчи и статьи тѣхъ дней навсегда останутся памятниками человѣческой низости.

Травлей большевиковъ можно, разумѣется, на некоторое время сбить съ толку тупую обывательщину. Но этимъ отноду не устраняется и не ослабляется вопросъ о правительственной отвѣтственности. Виноваты ли большевики или нѣтъ, только какъ же правительство ничего не предвидѣло? Оно значить не имѣло понятія о той самой арміи, которую посылало въ бой. Не отдавая себѣ никакого отчета въ томъ, способна ли армія перейти въ наступленіе, оно двинуло ее впередъ. Во главѣ правительства стояли не большевики. Какъ бы слѣдовательно ни обстояло дѣло съ этими послѣдними, на правительство Керенскаго—Черетелли—Чернова падаетъ вся тяжесть отвѣтственности за трагическую авантюру наступленія.

Эта отвѣтственность усугубляется тѣмъ, что предупрежденія или, повидимому, не только со стороны интернаціоналистовъ. „Новое Время“, находясь въ тѣснѣйшей связи съ реакціоннымъ генералитетомъ, рассказывало 7-го августа слѣдующее про подготовку наступленія:

„Осторожный Алексѣевъ, не желавшій бросать на убой неподготовленныхъ къ бою людей, не желавшій рисковать завоеваннымъ, въ поискахъ изпрочныхъ успѣховъ, — узолень Миражъ побѣды, жажда скерого мира, который Германія „должна“ была принять изъ рукъ петроградскихъ вожаковъ, выдвинули Брусилова, вскорѣ же и смытаго обратной волной“...

Эти краснорѣчивыя строки разъясняютъ и подтверждаютъ глухое сообщеніе „Рвчи“, въ моментъ отставки Алексѣева, по поводу ухода „осторожнаго стратега“, которому на смѣну идти не знающій сомнѣній „кавалеристъ“. Вымогая наступленія, кадеты заблаговременно отмежевывались отъ кавалерійской политики и стратегіи, готовя своя демонстративный выходъ изъ министерства 2-го іюля. А министры — „соціаллисты“ смѣну военачальниковъ, вызванную потребностями авантюры наступленія, объясняли на ухо „революціонной демократіи“ тѣмъ, что монархиста-Алексѣева смѣняетъ „истинный демократъ“ Брусиловъ. Такъ дѣлается исторія!

Послѣ того, какъ „бросили на убой, неподготовленныхъ къ бою людей“, по выраженію „Новаго Времени“, и уткнулись лицомъ въ страшныя послѣдствія, не осталось ничего другого, какъ поручить Дану, Либери, и прочимъ патріотическимъ выжметникамъ открыть погромную травлю противъ большевиковъ. Это та именно часть „творческой работы“ по оборонѣ, которая какъ разъ по плечу названнымъ „вождямъ“. Стараясь перекричать всѣхъ буржуазныхъ громиль, Даны и Либеры обличали „демагоговъ“, которые бросаютъ въ „темныя солдатскія массы“ такіе лозунги, какъ опубликованіе тайныхъ договоровъ, разрывъ съ империалистами и пр. „Это вѣрно, презрительно поддерживали ихъ буржуазные громилы, но вѣдь это дѣлкомъ относится и къ Приказу № 1 къ манифесту 14 марта, которые вы демагогически бросали въ темныя солдатскія массы“. И тогда Даны и Либеры, отирая холодный потъ со лба, ссылаются припомнить азбуку революціоннаго мышленія въ защиту своихъ старыхъ грѣховъ, по себѣтъ

Въ листочкѣ
Исторія 1917 года
1063054
Сор
12241

же съ ужасомъ убѣждаются, что имъ приходится только повторять наши слова. И это фатально: ибо наши лозунги представляютъ собою только необходимый выводъ изъ развитія революціи, на пути которой приказъ и манифестъ Совѣта были первыми вѣхами...

Но самое поразительное на первый взглядъ это то, что, несмотря на ужасающія послѣдствія наступленія, министры-„соціалисты“ продолжаютъ записывать его въ свой активъ и въ переговорахъ съ буржуазіей ссылаются на наступленіе, какъ на свою великую патріотическую заслугу.

„Я спрошу,—воскликнулъ въ Москвѣ Церетелли,—кому легче было двинуть войска русскаго революціоннаго государства: военному министру Гучкову или военному министру Керенскому? („браво“, аплодисменты)“.

Церетелли такимъ образомъ открыто хвалится тѣмъ, что Керенскій выполняетъ ту самую работу, которую долженъ былъ выполнить Гучковъ, по которой ему, не располагающему кредитомъ „революціонной“ демократіи, оказалась не подъ силу. И буржуазія, несмотря на вызванную наступленіемъ катастрофу, охотно признаетъ заслугу Керенскаго.

„Мы знаемъ и помнимъ,—заявилъ въ Москвѣ кадетъ Набоковъ,—что 2 мѣсяца тому назадъ тотъ великій порывъ русской арміи, который въ это страшное время вписалъ одну новую свѣтлую страницу, былъ вдохновляемъ человѣкомъ, стоявшимъ сейчасъ во главѣ Временнаго Правительства. Этого исторія ему не забудетъ“.

Ясно слѣдовательно, что „свѣтлая страница“ наступленія 18-го іюня не имѣетъ никакого отношенія къ оборонѣ, такъ какъ военное положеніе Россіи въ результатѣ наступленія только ухудшилось. Если буржуазія тѣмъ не менѣе съ признательностью говоритъ о наступленіи, то именно потому, что жестокий ударъ, полученный нашей арміей, въ результатѣ политики Керенскаго создалъ благоприятныя условія для сѣянья паники и для контр-революціонныхъ экспериментовъ. Весь авторитетъ эсеро-меньшевистской демократіи ушелъ на то, чтобы вызвать наступленіе, а это послѣднее въ корнѣ оборвало тотъ противорѣчиво-неустойчивый режимъ, на поддержаніе котораго мѣщанскіе вожди тратили всю свою мелкую изобрѣтательность.

И наступленіе и вопросъ мира разсматриваются сейчасъ буржуазіей и ея генералами главнымъ образомъ подъ угломъ внутренней политики, то-есть дальнѣйшаго развитія контр-революціи. Это ярче всего выразилъ на московскомъ совѣщаніи генералъ Корниловъ. „Миръ сейчасъ не можетъ быть достигнутъ—сказалъ онъ—уже по одному тому, что мы не въ состояніи произвести демобилизацію.. Необходимо поднять престижъ офицеровъ“. Въ арміи сосредоточено слишкомъ много вооруженныхъ государствомъ людей, которые предъявляютъ къ государству слишкомъ радикальныя требованія. Только дальнѣйшее продолженіе войны, независимо отъ военныхъ шансовъ, дастъ возможность „поднять престижъ офицеровъ“, прибрать къ рукамъ солдатскую массу и обезпечить такую демобилизацію, при которой солдаты не смогутъ угрожать устоямъ собственности и импералистической государственности. И если на этомъ пути понадобится сепаратный миръ, буржуазія заключитъ его, не моргнувъ глазомъ

Со дня 18-го июня контр-революція уверенно подвигается вперед. И она не остановится до тех пор, пока не получит могучаго удара въ грудь.

III. Что же дальше?

Въ тотъ моментъ, когда эти строки дойдутъ до читателя, московское совѣщаніе уже останется позади. Можно почти не сомнѣваться въ томъ, что нынѣшнее правительство, воплощающее собою шатающуюся и злобствующую несостоятельность, не выдержитъ московскаго натиска и потерпитъ новыя измѣненія. Не даромъ ген. Корниловъ разъясняетъ, что не нужно бояться новаго кризиса власти. Этотъ кризисъ въ ближайшій моментъ можетъ скорѣе всего разрешиться новымъ сдвигомъ вправо. Получить ли при этомъ Керенскій дополнительную порцію независимости отъ организованнаго контроля демократіи, который будетъ замѣненъ тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ закулиснымъ контролемъ империалистическихъ кликъ; станетъ ли новое правительство въ опредѣленные отношенія къ тому генеральному штабу имущихъ классовъ, который будетъ созданъ несомнѣнно московскимъ совѣщаніемъ; какова будетъ примѣсь „соціалистическихъ“ бонапартистовъ въ новой правительственной комбинаціи,—это все вопросы второстепеннаго значенія. Но если-бы даже натискъ буржуазіи оказался отбитъ и московское совѣщаніе завершилось новымъ выходомъ кадетъ изъ правительства, навязанная „революціонной“ демократіи власть вовсе еще не означала бы революціонно-демократической власти. Опутанные по рукамъ и ногамъ своими обязательствами по отношенію къ союзной биржѣ и дипломатіи, съ грузомъ репрессій противъ рабочихъ и солдатъ за спиною, официальные совѣтскіе вожди продолжали бы свою политику двоедушія и уклончивости. Уйдя изъ министерства, Коноваловъ лишь переложилъ свою миссію на Скобелева. Министерство Керенскаго—Церетелли и безъ кадетъ проводило бы полукадетскую программу. Одного ухода кадетъ мало. Нужно приходить новыхъ силъ и новыхъ методовъ...

Московское совѣщаніе подводитъ во всякомъ случаѣ итогъ подѣ цѣлой эпохой революціи, когда руководящую роль играла эсеро-меньшевистская тактика соглашенія съ буржуазіей, — соглашенія, основаннаго на отказѣ отъ самостоятельныхъ задачъ революціи, на ихъ подчиненіи идеѣ коалиціи съ врагами революціи.

Русская революція непосредственно выросла изъ войны. Война создала ей свойственную форму общенародной организаціи: армію. Главная масса населенія, крестьянская, оказалась принудительно организованной въ моментъ революціи. Съѣзды солдатскихъ депутатовъ призвали армію къ политическому представительству, причемъ крестьянская масса автоматически послала въ совѣты полу-либеральныхъ интеллигентовъ, которые безформенность ея ожиданій и надеждъ переводили на языкъ самаго жалкаго крохо-

борства и приспособленчества. Мелко-буржуазная интеллигенция, сама кругом зависящая от крупной буржуазии, получила руководство над крестьянством. Советы солдатско-крестьянских депутатов получили численный перевес над рабочим представительством. Петербургский пролетарский авангард был объявлен темной массой. Црвтомъ революціи оказались мартовскіе эсеры и меньшевики изъ „мѣстечковых“ интеллигентовъ, опирающіеся на крестьянъ. На этомъ фундаментѣ путемъ двухъ—и трехстепенныхъ выборовъ возникъ Центральный Исполнительный Комитетъ. Петербургскій Советъ, который выполнялъ въ первый періодъ общероссійскія функціи, стоялъ все же подъ непосредственнымъ давленіемъ революціонныхъ массъ. Центральный Комитетъ, наоборотъ, пребывалъ на революціонно-бюрократическихъ высотахъ, оторванный отъ петербургскихъ рабочихъ и солдатъ и имъ враждебный.

Достаточно напомнить, что Центр. Комитетъ съелъ необходимымъ призывать съ фронта войска для подавленія петербургской демонстраціи, которая къ моменту прибытія войскъ была фактически уже ликвидирована самими демонстрантами. Мѣщанскіе вожди погубили себя политически тѣмъ, что увидѣли смуту, аварию и мятежъ тамъ, гдѣ было вытекавшее изъ всего положенія стремленіе вооружить революцію аппаратомъ власти. Разоружили петербургскихъ рабочихъ и солдатъ, Церетелли, Даны и Черновы разоружили авангардъ революціи и нанесли неспаслимый ударъ влвнцію своего собственнаго Исполнительнаго Комитета.

Сейчасъ, предъ лицомъ тысячи ихъ контръ-революціи, эти политики говорятъ о восстановленіи авторитета и значенія Советовъ. Въ качествѣ лозунга момента они выдвигаютъ организацию массъ вокругъ Советовъ. Но такая безсодержательная постановка вопроса глубоко реакціонна. Подъ формальнымъ призывомъ къ организации она хочетъ обойти вопросъ о политическихъ задачахъ и методахъ борьбы. Организовать массы во имя „полненія авторитета“ Советовъ—жалкая и бесплодная затѣя. Массы доверили Советамъ, шли за ними, подняли ихъ на огромную высоту. Въ результатѣ онѣ наблюдали капитуляцію Советовъ передъ злѣйшими врагами этихъ массъ. Было бы ребячествомъ думать, что масса сможетъ или захочетъ повторить уже продѣланный историческій опытъ сначала. Для того, чтобы упадокъ довѣрія массъ къ вышнимъ руководящимъ центрамъ демократіи не превратился въ упадокъ довѣрія къ самой революціи, необходимо дать массѣ критическую оцѣнку всей предшествующей политической работѣ въ революціи, а это значитъ безошадное осужденіе всей работы эсеровскихъ и меньшевистскихъ вождей.

Мы скажемъ массамъ: они впяты во всемъ большевиковъ; но почему же они оказались безсильны противъ большевиковъ? На ихъ сторонѣ было не только большинство въ Советахъ, но и правительственная власть,—и тѣмъ не менѣе они умудрились оказаться жертвой мнимаго „заговора“ такъ называемой ничтожной кучки большевиковъ!

Послѣ событій 3—5 іюля эсеры и меньшевики въ Петербургѣ еще болѣе ослабли, большевики еще болѣе усилились. То же самое—въ

Москвѣ. Это ярче всего обнаруживается, что въ своей политикѣ больше вѣзмъ дастъ выраженіе дѣйствительнымъ потребностямъ развивающейся революціи, тогда какъ эсеро-меньшевистское „большинство“ только закрѣпляетъ вчерашнюю безпомощность и отсталость массы. И сегодня уже этого одного закрѣпленія недостаточно: на помощь ему идетъ самая развуданная репрессія. Эти люди борются противъ внутренней логики революціи, и именно поэтому они оказываются въ одномъ лагерѣ съ ея классовыми врагами. Именно поэтому мы обязаны подрывать довѣріе къ нимъ—во имя довѣрія къ завтрашнему дню революціи.

Насколько безсодержательны голый лозунгъ поддержки Совѣтовъ, это яснѣе всего видно на взаимоотношеніи Центрального Исполнительнаго Комитета и Петербургскаго Совѣта. Въ виду того, что этотъ послѣдній, опирающійся на передовой отрядъ рабочаго класса и связанныхъ съ нимъ солдатъ, все болѣе рѣшительно переходитъ на позицію революціонной социаль-демократіи, **Центральный Исполнительный Комитетъ систематически подрываетъ авторитетъ и значеніе петербургскаго Совѣта.** Его не созываютъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. У него фактически отняли его органъ, „Извѣстія“, гдѣ мысль и языкъ петербургскаго пролетаріата совершенно не находятъ своего отраженія. Когда бѣснующаяся буржуазная печать клеветитъ и безчеститъ вождей петербургскаго пролетаріата, „Извѣстія“ не слышатъ и не видятъ... Что можетъ означать въ этихъ условіяхъ лозунгъ поддержки Совѣтовъ? Только одно: поддержку петербургскаго Совѣта **противъ** бюрократизированнаго, неизмѣннаго въ своемъ составѣ Центрального Исполнительнаго Комитета. Нужно отвоевать для петербургскаго Совѣта полную независимость организаціи, ея охраны и ея политическихъ дѣйствій.

Это важнѣйшая задача, которая должна быть разрѣшена въ ближайшую очередь. Петербургскій Совѣтъ долженъ стать центромъ новой революціонной мобилизаціи рабочихъ, солдатъ и крестьянскихъ низовъ—для борьбы за власть.

Нужно всѣми силами поддержать инициативу конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ по созыву **всероссійскаго съѣзда рабочихъ депутатовъ.** Для того, чтобы пролетаріатъ могъ завоевать для своей тактики солдатскую и деревенскую бѣдноту, его тактика должна быть рѣзко и непримиримо противопоставлена тактикѣ Центр. Испол. Комитета *). Это можетъ быть достигнуто только при томъ условіи, если пролетаріатъ, какъ классъ, создастъ свою централизованную организацію въ общенациональномъ масштабѣ. Мы не можемъ предвидѣть всѣхъ уклоновъ и зигзаговъ историческаго пути. Какъ политическая партія, мы не отвѣчаемъ за ходъ исторіи. Но зато тѣмъ болѣе мы ответственны передъ нашимъ классомъ: сдѣлать его способнымъ провести свои задачи черезъ всѣ зигзаги историческаго пути—таковъ нашъ основной политическій долгъ.

*) Изъ сказаннаго достаточно ясно видно какой безпечно-реакціонной утопіей является выдвинутая «Политическая» идея о нашемъ объединеніи съ меньшевиками.

Правящие классы вместе съ Правительствомъ „Спасенія“ дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы политическую проблему революціи поставить ребромъ не только передъ рабочими, но и передъ арміей и передъ деревней. Эсеры и меньшевики сдѣлали и дѣлаютъ все, чтобы раскрыть несостоятельность своей тактики передъ самыми широкими трудящимися слоями страны. Отъ нашей партіи, отъ ея энергіи, выдержки, настойчивости зависитъ теперь—сдѣлать все необходимыя выводы изъ положенія и во главѣ всѣхъ обездоленныхъ и истерзанныхъ массъ повести рѣшительную борьбу за ихъ революціонную диктатуру.

Характеръ русской революціи.

Либеральные и эсеро-меньшевистскіе политики и газетчики очень озабочены социологической оцѣнкой русской революціи: буржуазная она или какая шая? На первый взглядъ такой теоретическій интересъ можетъ показаться загадочнымъ. Либералы отнюдь не заинтересованы въ раскрытіи классоваго характера «своей» революціи. Что же касается мелкобуржуазныхъ «соціалстовъ», то они, вообще говоря, руководятся въ своей дѣятельности не теоретическимъ анализомъ, а «здравымъ смысломъ», который есть не что иное, какъ псевдонимъ ограниченности и безпринципности. Дѣло однако въ томъ, что вдохновляемая Плехановымъ мелкобуржуазное разсужденіе о буржуазномъ характерѣ русской революціи не включаетъ въ себя ни одного золотенка теоріи. Ни «Единство», ни «Рѣчь», ни «День», ни скорбная главою «Рабочая Газета» не даютъ себѣ даже труда опредѣлить, что они понимаютъ подъ буржуазной революціей. Смыслъ ихъ упражненій чисто практическій: доказать право буржуазіи на власть. Хотя Совѣты представляютъ большинство политически изнемогающаго населенія; хотя на всѣхъ демократическихъ выборахъ, въ городѣ какъ и въ деревнѣ, капиталистическія партіи проваливаются съ трескомъ, но «такъ какъ наша революція буржуазная», то необходимо установить политическія привилегіи для буржуазіи и отвести ей въ правительствѣ такую роль, на какую политическія группировки въ странѣ не даютъ ей никакого права. Еслибы поступать особенно съ принципами демократическаго парламентаризма, то ясно, что власть должна была принадлежать все амъ, однимъ или совместно съ меньшевиками. Но «такъ какъ наша революція буржуазная», то принципы демократіи отбрасываются, представителямъ подавляющаго большинства народа отводится въ министерствѣ нить мѣсть, а представителямъ ничтожнаго меньшинства—вдвое больше. Къ черту демократію, да здравствуетъ плехановскій социологія!

— Развѣ можно буржуазную революцію дѣлать безъ буржуазіи?—вкрадчиво спрашиваетъ Плехановъ, ссылаясь на диалектику и на Энгельса.

— Вотъ именно!—подхватываетъ Милюковъ.—Мы, надеты, были. бы готовы отказаться отъ власти, которой явно не хочетъ намъ давать на

родь. Но мы не можем идти против науки.—И при этом ссылается на плекхановский «марксизм».

Так как наша революция буржуазная, то необходима политическая коалиция трудящихся с эксплуататорами, разъясняют Плекханов, Потресов и Давь. И в свѣтъ этой «социологии» шутовское рукопожатіе Бубликовъ—Церетелли раскрываетъ весь свой историческій смыслъ.

Вѣда только въ томъ, что изъ буржуазнаго характера революціи, которымъ теперь обосновывается коалиція социалистовъ съ капиталистами, въ теченіе ряда дѣлъ тѣ же меньшевики дѣлали прямо противоположный выводъ.

Такъ какъ въ буржуазной революціи, говорили они, правительственная власть можетъ имѣть своей задачей не что иное, какъ обезпеченіе господства буржуазии, то ясно, что социаль-демократіи тутъ дѣлать нечего: ся мѣсто не въ правительствѣ, а въ оппозиціи. Плекхановъ считалъ, что социалисты ни при какихъ условіяхъ не могутъ участвовать въ буржуазномъ правительствѣ и жестоко нападали на Каутскаго, революція котораго допускала на этотъ счетъ исторію изъятія. «По времени и закону бываетъ перемена», говорили самодуры стараго строя. То же самое, какъ видимъ, происходитъ и съ «законами» плекхановской социологии.

Какъ ни противоположны, однако, дореволюціонное и сегодняшнее мнѣніе меньшевиковъ и ихъ вдохновителя Плекханова, неизмѣнной остается во всякомъ случаѣ мысль, что буржуазную революцію нельзя дѣлать «безъ буржуазии». На первый взглядъ эта мысль можетъ показаться аксіомой. На самомъ дѣлѣ это только глупость.

Исторія человечества начинается не съ Московскаго Совѣщанія. Вывали революція и въ прошломъ. Въ концѣ 18-го столѣтія во Франціи развернулась революція, которую называютъ, и не совсѣмъ напрасно, великой. Это была буржуазная революція. На извѣстномъ ея этапѣ власть перешла къ якобинцамъ, которые опирались на санкюлотовъ, на ремесленно-пролетарскіе городскіе низы, и поставили между собою и жирондистами, жемрадной партіи буржуазии, тогдашними кадетами, четырехугольникъ гильотины. Только диктатура якобинцевъ придала первой французской революціи ея настоящее значеніе, сдѣлала ее великой. А между тѣмъ эта диктатура осуществилась не только безъ буржуазии, но непосредственно *противъ* нея. Робеспьеръ, который не успѣлъ ознакомиться съ плекхановской идеей, нарушалъ всѣ законы социологии, и, вмѣсто того, чтобы обмѣниваться съ жирондистами рукопожатіями, рубилъ имъ головы. Это было очень жестоко, что и говорить. Но эта жестокость отнюдь не помѣшала французской революціи стать великой, не переходя за предѣлы своего буржуазнаго характера. Марксъ, именемъ котораго у насъ злоупотребляютъ всякіе пестяки, писалъ, что «всѣ французскій терроръ— не что иное, какъ плебейскій пріемъ расправляться съ врагами буржуазии»... И такъ какъ эта самая буржуазія боялась этихъ методовъ плебейской расправы съ врагами народа, то якобинцы не только отбросили ее отъ власти, но примѣли и желѣзную репрессию по отношенію къ ней са-

мой каждый раз, как она пыталась приостановить или «смягчить» их работу. Ясно: якобинцы дѣлали буржуазную революцію безъ буржуазин.

По поводу англійской революціи 1648 г. Энгельсъ писалъ: «для того, чтобы буржуазія положила себѣ въ карманъ тѣ плоды, которые тогда созрѣли, было необходимо, чтобы революція пошла гораздо дальше своей первоначальной цѣли, совѣтъ какъ въ 1793 году во Франціи и въ 1848 г. въ Германіи. Таковъ, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ *одинъ изъ законовъ развитія буржуазнаго общества*». Мы видимъ, что энгельсовскій законъ прямо противоположенъ плехановской отсѣбятищѣ, которую меньшевики принимаютъ и выдаютъ за марксизмъ.

Можно, конечно сказать, что сами якобинцы были буржуазіей, только мелкой. Это совершенно вѣрно. Но что иное представляетъ собою такъ называемая «революционная демократія», руководимая эсерами и меньшевиками? Между кадетами, партіей крупныхъ и среднихъ собственниковъ, съ одной стороны, и эсерами, съ другой, не обнаружилось на всѣхъ проходившихъ выборахъ въ городѣ и деревнѣ никакой промежуточной партіи. Отсюда математически ясно, что мелкая буржуазія нашла свое политическое представительство въ лицѣ эсеровъ. Меньшевики, политика которыхъ ни на югу не отличается отъ политики эсеровъ, выражаютъ тѣ же самые классовые интересы. Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что за ними идетъ часть наиболѣе отсталыхъ или консервативно-привилегированныхъ рабочихъ. Почему же эсеры не могли взять въ свои руки власть? Въ какомъ же смыслѣ и почему «буржуазный» характеръ русской революціи (если принять, что онъ именно таковъ) вынуждалъ эсеровъ-меньшевиковъ замѣнить плебейскіе методы якобинцевъ салонными методами соглашенія съ контръ-революціонной буржуазіей? Очевидно, что объясненія надо искать не въ «буржуазномъ» характерѣ нашей революціи, а въ жалкомъ характерѣ нашей мелко-буржуазной демократіи. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать въ своихъ рукахъ власть орудіемъ осуществленія собственныхъ историческихъ задачъ, наша же-демократія почтительно переуступила фактическую власть контръ-революціоннымъ военно-империалистическимъ кланамъ, и Церетели даже хвастался на московскомъ совѣщаніи тѣмъ, что Совѣты сдали власть не по нуждѣ, не послѣ мужественнаго боя и поражения, а добровольно, какъ доказательство политическаго «самоограниченія». Добродѣтель теленка, подставляющаго свою шею мяснику, не есть то, качество, которое покрываетъ новые міры!

Различіе между террористами конвента и капитулянтами московскаго совѣщанія приблизительно такое же, какъ между тиграми и телатами разной степени возмужалости. Но это различіе не основное. За нимъ скрывается рѣшающее различіе въ составѣ самой демократіи. Якобинцы опирались на маломужіе и неимущіе классы, включая и тогдашній, еще неоформленный пролетаріатъ. У насъ промышленный рабочій классъ успѣлъ выдѣлиться изъ безформенной демократіи въ самостоятельную историческую силу первокласснаго значенія. Мелкобуржуазная демократія въ той же мѣрѣ утеряла наиболѣе драгоценныя революціонныя качества, въ какой

развить ихъ въ себѣ выдѣлившійся изъ нея пролетаріатъ. Это явленіе есть въ свою очередь результатомъ несравненно болѣе высокаго уровня капиталистическаго развитія Россіи по сравнению съ Франціей конца 18-го вѣка. Революціонная роль русскаго пролетаріата, которая отиудъ не измѣряется его численностью, опирается на его огромную производственную роль, которая ярче всего раскрылась во время войны. Угроза железнодорожной забастовки снова напоминаетъ въ наши дни о зависимости всей страны отъ концентрированной работы пролетаріата. Мѣщанско-крестьянская партія сразу, съ первыхъ шаговъ революціи, попала въ перекрестный огонь между могущественными группировками империалистическихъ классовъ, съ одной стороны, и революціонно-интернационалистскимъ пролетаріатомъ, съ другой. Борясь за свое собственное вліяніе на рабочихъ, мѣщанская партія все болѣе противопоставляетъ пролетарской партіи свою «государственность», свой «патриотизмъ» и потому попадаетъ въ рабскую зависимость отъ группировокъ контръ-революціоннаго капитала. Выбѣтъ съ тѣмъ она совершенно лишается возможности дѣйствительной ликвидаціи всѣхъ и всякихъ формъ, хотя бы только стараго варварства, опутывающихъ тѣ народныя массы, которыя она еще ведетъ за собою. Борьба эсеровъ и меньшевиковъ за вліяніе на пролетаріатъ все болѣе смѣняется борьбою пролетарской партіи за руководство надъ полупролетарскими массами деревень и городовъ. Сдавая «добровольно» власть кланкамъ буржуазіи, эсерово-меньшевистская «демократія» вынуждена свою революціонную миссію окончательно сдать партіи пролетаріата. Уже это одно показываетъ, что попытки разрѣшать основные вопросы тактики голой ссылкой на «буржуазный» характеръ нашей революціи могутъ служить только для того, чтобы сбивать съ толку отсталыхъ рабочихъ и обманывать крестьянъ.

Во французской революціи 1848 г. пролетаріатъ дѣлаетъ уже героическія попытки самостоятельнаго дѣйствія. Но онъ не имѣетъ еще ни ясной революціонной теоріи ни авторитетной классовой организаціи. Его производственное значеніе неизмѣримо ниже нынѣшней хозяйственной роли русскаго пролетаріата. Наполеонъ, за спиною 1848 года было уже великая революція, которая по своему разрѣшила аграрный вопросъ, и это сейчасъ же сказалось въ быстрой изоляціи пролетаріата, главнымъ образомъ парижскаго, отъ народныхъ массъ. Наше положеніе въ этомъ отношеніи неизмѣримо болѣе благоприятно. Земельная кабала, сословныя путы, гнетъ и кастовое хищничество церкви стоятъ передъ революціей, какъ неотложные вопросы, требующіе рѣшительныхъ и безпощадныхъ мѣръ. «Изоляція» нашей партіи отъ эсерово-меньшевиковъ, даже самая крайняя, даже путемъ одиночныхъ камеръ, еще ни въ коемъ случаѣ не означаетъ изоляціи пролетаріата отъ угнетенныхъ крестьянскихъ и городскихъ массъ. Наоборотъ, рѣшкое противопоставленіе политики революціоннаго пролетаріата вѣроломному отступничеству нынѣшнихъ совѣтскихъ вождей только и можетъ внести спасительную политическую дифференціацію (расчлененіе) въ крестьянскіе милліоны, вырвать деревенскую бѣдность изъ-подъ предательскаго

руководства крѣпких эсеровскихъ мужичковъ и превратить социалистическій пролетариатъ въ подлиннаго вожда народной, «члѣбиской» революціи.

Наконецъ, пустопорожнякія ссылки на «буржуазный» характеръ русской революціи ровно ничего не говорятъ намъ объ ея *международной* обстановкѣ. А это рѣшательный вопросъ. Великая якобинская революція имѣла подлѣ себя и противъ себя отсталую, феодальную, монархическую Европу. Якобинскій режимъ палъ, превратившись въ бонапартистскій режимъ, подъ тяжестью того сверхъ-человѣческаго напряженія, которое онъ вынужденъ былъ совершить, чтобы отстоять себя противъ объединенныхъ силъ средне-вѣковья. Русская революція, наоборотъ, имѣетъ передъ собою далеко опередившую ее Европу, достигшую высшихъ ступеней капиталистическаго развитія. Нынѣшняя мировая война показываетъ, что Европа достигла предѣла капиталистическаго насыщенія, что она не можетъ долѣе жить и развиваться на основахъ частной собственности на средства производства. Этотъ хаосъ крови и разрушенія есть дикое возстаніе слѣпыхъ и темныхъ производительныхъ силъ, мятежъ желѣза и стали противъ царства прибыли, противъ наемнаго рабства, противъ подлога тупоумія человѣческихъ отношеній. Охваченный пламенемъ имъ же порожденной войны капитализмъ жерлами своихъ пушекъ, кричитъ человѣчеству: «Иди совладай со мною, или я погребу тебя подъ своими развалинами!»

Все прошлое развитіе, тысячелѣтія человѣческой исторіи, классовоіи борьбы, культурныхъ накопленій, уперлось теперь въ одну проблему: и это есть проблема пролетарской революціи. Нѣтъ другого рѣшенія и много выхода. И въ этомъ состоитъ огромная сила русской революціи. Это не «национальная», не буржуазная революція. Кто опѣиваетъ ее такъ, тотъ живетъ въ мѣрѣ призраковъ 18-го и 19-го столѣтій. А нашимъ «отечествомъ во времени» является 20-ый вѣкъ. Дальнѣйшая судьба русской революціи непосредственно зависитъ отъ хода и исхода войны, т. е. отъ развитія классовыхъ противорѣчій въ Европѣ, которому эта империалистическая война придаетъ катастрофическій характеръ.

Керенскіе и Корниловы слишкомъ рано загворяли языкомъ конкурирующихъ самодержавцевъ. Каледины слишкомъ рано лязгаютъ зубами. Ренегаты Церетели слишкомъ рано пожимаютъ презрительные протянутый имъ палецъ контръ-революціи. Революція пока еще сказала только свое первое слово. У нея имѣются еще огромные резервы въ Западной Европѣ. На смѣну рукопожатіямъ реакціонныхъ дѣльцовъ и мѣщанскихъ ротозѣевъ придетъ великое рукопожатіе русской революціи и европейскаго пролетариата.

VI. Интернациональная тактика.

При безпримирной ясности классово-политических группировок в русской революции, в области идеологии у нас царит столь же безпримирный кавардак. Заповедный характер исторического развития России позволил мещанской интеллигенции украсить себя павлиньими перьями самых лучших социалистических теорий. Они служат ей, однако, только для того, чтобы прикрывать свою дряблую ваготу. Если эсеры и меньшевики не взяли власти ни в начале марта, ни 1-го мая, ни 3-го июля, то вовсе не потому что наша революция — „буржуазная“, и что ее нельзя делать „без буржуазии“, а потому что мелкобуржуазные „социалисты“, кругом опутанные сѣтями империализма, уже не способны выполнить хотя бы десятую долю той работы, которую яacobинские софисты совершили пять четвертей столѣтня тому назад. Разглагодуствуя о спасении революции и страны, они будутъ безъ боя сдавать буржуазной реакціи одну позицію за другой. Тѣмъ самымъ борьба за власть становится прямой и непосредственной задачей рабочего класса, и вмѣстѣ съ тѣмъ революція окончательно солекается съ себя свою „національную“ и буржуазную оболочку.

Либо мы будемъ имѣть огромный сдвигъ назадъ, въ направлении крѣпкаго империалистическаго режима, который вѣроятно всею увѣщается монархіей; при этомъ Совѣты, земельные комитеты, армейскія организаціи и многое другое пойдутъ на сломъ, а Керенскіе и Церетели выйдутъ въ тиражъ. Либо же пролетаріатъ, увлекая за собою полупролетарскія массы и сметая съ своего пути вѣхъ вчерашнихъ вождей (Керенскій и Церетели выйдутъ и въ этомъ случаѣ въ тиражъ!), установитъ режимъ рабочей демократіи. Его дальнѣйшіе успѣхи будутъ прямо и непосредственно зависти отъ развитія европейской, въ первую голову германской, революціи.

Интернаціонализмъ для насъ не отвлеченная идея, существующая только для того, чтобы при каждомъ подходящемъ случаѣ измѣнять ей (какъ для Церетели или Чернова), а непосредственно руководящій, глубоко-практическій принципъ. Прочный, рѣшающій успѣхъ немисляемъ для насъ внѣ европейской революціи. Мы не можемъ, слѣдовательно, цюкунать частичные успѣхи цѣною такихъ шаговъ и комбинацій, которые затрудняютъ движеніе европейскаго пролетаріата. Именно поэтому непримиримый разрывъ съ социаль-патріотами есть для насъ необходимая предпосылка всей политической работы.

— Товарищи интернаціоналисты, — воскликнулъ одинъ изъ ораторовъ на всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ, — отсрочьте вашу социальную революцію еще лѣтъ на пятьдесятъ!... — Незачѣмъ говорить, что этотъ благодушный совѣтъ былъ покрытъ самодовольными аплодисментами меньшевиковъ и эсеровъ.

Именно здѣсь, въ отношеніи къ социальной революціи, проходить водораздѣлъ между всеми разновидностями оппортунистическаго мѣщанскаго утилитизма и пролетарскихъ социализмовъ. Есть не мало „интернаціоналистовъ“, которые кризисъ интернаціонала объясняютъ временнымъ шовини-

стическимъ опьяненіемъ, вызваннымъ войною, и разсчитываютъ, что раньше или позже все вернется на свое мѣсто, и старая социалистическая партія снова найдетъ утерянный нынѣ путь классовой борьбы. Навѣяны и жалкія надежды! Война—не высшая катастрофа, временно выбившая капиталистическое общество изъ равновѣсія, а возстаніе разросшихся производительныхъ силъ этого общества противъ ограниченныхъ рамокъ національнаго государства и формъ частнаго присвоенія. Возврата назадъ, къ относительному капиталистическому равновѣсію прошлой эпохи, уже не можетъ быть. Либо дальѣйшее стихійное разрушеніе производительныхъ силъ путемъ новыхъ и новыхъ империалистическихъ войнъ, либо социалистическая организація производства,—такъ, а не иначе ставить сейчасъ вопросъ исторія.

Равнымъ образомъ и кризисъ Интернаціонала не есть высшее, наносное явленіе.

Социалистическія партіи Европы сложились въ эпоху относительнаго капиталистическаго равновѣсія и реформистскаго приспособленія пролетаріата къ національному парламентаризму и національному рынку. „Въ самой социаль-демократической партіи—писалъ Энгельсъ въ 1887 г.—мелкобуржуазный социализмъ имѣетъ сторонниковъ. Такіе члены социаль-демократической партіи, признавая основныя воззрѣнія научнаго социализма и цѣлесообразность требованія перехода всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность, осуществленія этого требованія обявляютъ возможнымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, срокъ наступленія котораго практически неопредѣлѣтъ“. Благодаря затяжному характеру „мирнаго“ періода этотъ мелкобуржуазный социализмъ фактически сталъ господствующимъ въ старыхъ организаціяхъ пролетаріата. Ихъ ограниченность и не состоятельность обнаружилась въ самыхъ отталкивающихся формахъ въ тотъ моментъ, когда „мирное“ накопленіе противорѣчій смѣнилось величайшимъ империалистическимъ сотрясеніемъ. Не только старыя національныя государства, но и сросшія съ ними бюрократизированныя социалистическія партіи оказались въ противорѣчій съ потребностями дальнѣйшаго развитія. Это можно было въ большей или меньшей степени предвидѣть и раньше.

„Задача социалистической партіи—писали мы 12 лѣтъ тому назадъ—состояло и состоитъ въ томъ, чтобы революціонизировать сознаніе рабочаго класса, какъ развитіе капитализма революціонизировало социальные отношенія. Но агитаціонная и организаціонная работа въ рядахъ пролетаріата имѣетъ свою внутреннюю косячность. Европейскія социалистическія партіи—и въ первую голову наиболѣе могучая изъ нихъ, германская,—выработали свой консерватизмъ, который тѣмъ сильнѣе, тѣмъ большія массы захватываетъ социализмъ, и чѣмъ выше организованность и дисциплина этихъ массъ. Въ силу этого социаль-демократія, какъ организація, воплощающая политическій опытъ пролетаріата, можетъ стать въ извѣстный моментъ непосредственнымъ препятствіемъ на пути открытаго столкновенія рабочихъ съ буржуазной реакціей. Другими словами, проагандистско-социалистическій консерватизмъ пролетарской партіи можетъ

въ известный моментъ задержать прямую борьбу пролетариата за власть, („Наша революція“, 1906, стр. 285). Но если революціонные марксисты были далеки отъ фетишизма по отношенію къ партіямъ второго Интернаціонала, то никто не предвидѣлъ, что крушение этихъ организаціонныхъ гигантовъ будетъ такимъ жестокимъ и катастрофическимъ.

Новая эпоха создастъ новыя организаціи. Революціонныя социалистическія партіи теперь вездѣ создаются въ огнѣ борьбы. Огромное идейно-политическое наследіе второго Интернаціонала не пропадаетъ, разумѣется даромъ. Но въ этомъ наследіи производится внутреннее очищеніе, члѣное поколѣніе „реалистическихъ“ филистеровъ будетъ отодвинуто при этомъ въ сторону, и революціонныя тенденціи марксизма впервые получаютъ свое полное политическое значеніе.

Внутри каждой страны задача состоитъ не въ поддержаніи единства пережившей себя организаціи, а въ дѣйственномъ сплоченіи инициативныхъ революціонныхъ элементовъ пролетариата, которые теперь же, въ борьбѣ противъ войны и империализма, выдвигаются на передовые посты. Въ международномъ масштабѣ задача состоитъ не въ сближеніи и „примиреніи“ правительственныхъ социалистовъ на дипломатической конференціи (Стокгольмъ!) а въ объединеніи революціонныхъ интернаціоналистовъ всѣхъ странъ и въ ихъ общемъ курсѣ на социальную революцію внутри каждой страны.

Правда, революціонные интернаціоналисты на верхахъ рабочаго класса представляютъ сейчасъ во всей Европѣ незначительное меньшинство. По видимости насъ, русскихъ, это не должно пугать. Мы знаемъ, какъ быстро въ революціонную эпоху меньшинство становится большинствомъ. Какъ только закончившееся возмущеніе рабочихъ массъ пробьетъ окончательно кору государственной дисциплины, группа Либкнехта, Люксембургъ, Меринга и ихъ друзей займетъ сразу руководящее положеніе во главѣ нѣмецкаго рабочаго класса. Только социально-революціонная политика оправдываетъ организаціонный расколъ; но она же и дѣлаетъ его необходимымъ.

Меньшевики-интернаціоналисты, единомышленники т. Мартова, въ противобѣсъ намъ, отрицаютъ социально-революціонную постановку политическихъ задачъ. Россія, заявляютъ они въ своей платформѣ, еще не созрѣла для социализма, и наша задача по необходимости ограничивается установленіемъ демократической буржуазной республики. Все это разсужденіе построено на полномъ поправаніи международныхъ связей и задачъ пролетариата. Еслибъ Россія стояла на свѣтѣ одна, разсужденіе Мартова было бы правильно. Но вопросъ идетъ о ликвидаціи мировой войны, о борьбѣ съ мировымъ империализмомъ, о задачахъ мирового, и въ томъ числѣ русскаго пролетариата. Въмѣсто того, чтобы объяснить русскимъ рабочимъ, что судьба Россіи нерасторжимо связана отнынѣ съ судьбой Европы; что побѣда европейскаго пролетариата обезпечитъ намъ ускороенный переходъ къ социалистическому строю; что, наоборотъ, пораженіе европейскіхъ рабочихъ отброситъ насъ назадъ, къ империалистической диктатурѣ и монархіи, наконецъ къ положенію колоній Англій и Соед. Штатовъ; вмѣсто того,

чтобы подчинять всю нашу тактику общим целям и задачам европейского и мирового пролетариата, т. Мартов рассматривает русскую революцию в ограниченных, национальных рамках и сводит задачу революции к созданию буржуазно-демократической республики. Это в корне ложная постановка вопроса, над которой целиком тяготеет проклятая национальная ограниченность, приведшая к крушению второй Интернационалы.

Ограничивая себя на практике национальными перспективами, т. Мартов сохраняет для себя возможность ужиться в одной организации с социаль-патриотами. Он надеется пережить с Давом и Церетели „повѣтріе“ национализма, которое должно исчезнуть вместе с войною и затем рассчитывает вернуться с ними вместе на рельсы „нормальной“ классовой борьбы. Мартова связывает с социаль-патриотами не пустая фракционная традиция, а глубоко-опportunистическое отношение к социальной революции, как к далекой цели, которая не может определять постановку сегодняшних задач. И это самое отделяет его от нас.

Борьба за завоевание власти не есть для нас лишь очередной этап национально-демократической революции; нет, это выполнение интернационального долга, это занятие одной из важнейших позиций на общем фронте борьбы с мировым империализмом. И эта же основная точка зрения определяет наше отношение к такт. называемой национальной обороне. Эпизодическое перемещение фронта в ту или другую сторону не может ни приостановить ни отклонить нашу борьбу, которая направлена против самых основ капитализма, упершагося в империалистическое взаимодействие народов.

Перманентная революция против перманентной войны! такова борьба, в которой ставкой является судьба человечества.

Библиографія

Историческая Коммуна

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Вмѣсто предисловія	1
1. Что случилось?	3
2. Элементы бонапартизма	7
3. Армія въ революціи	12
4. Что же дальше	18
5. Характеръ русской революціи	21
6. Интернаціональная тактика	26

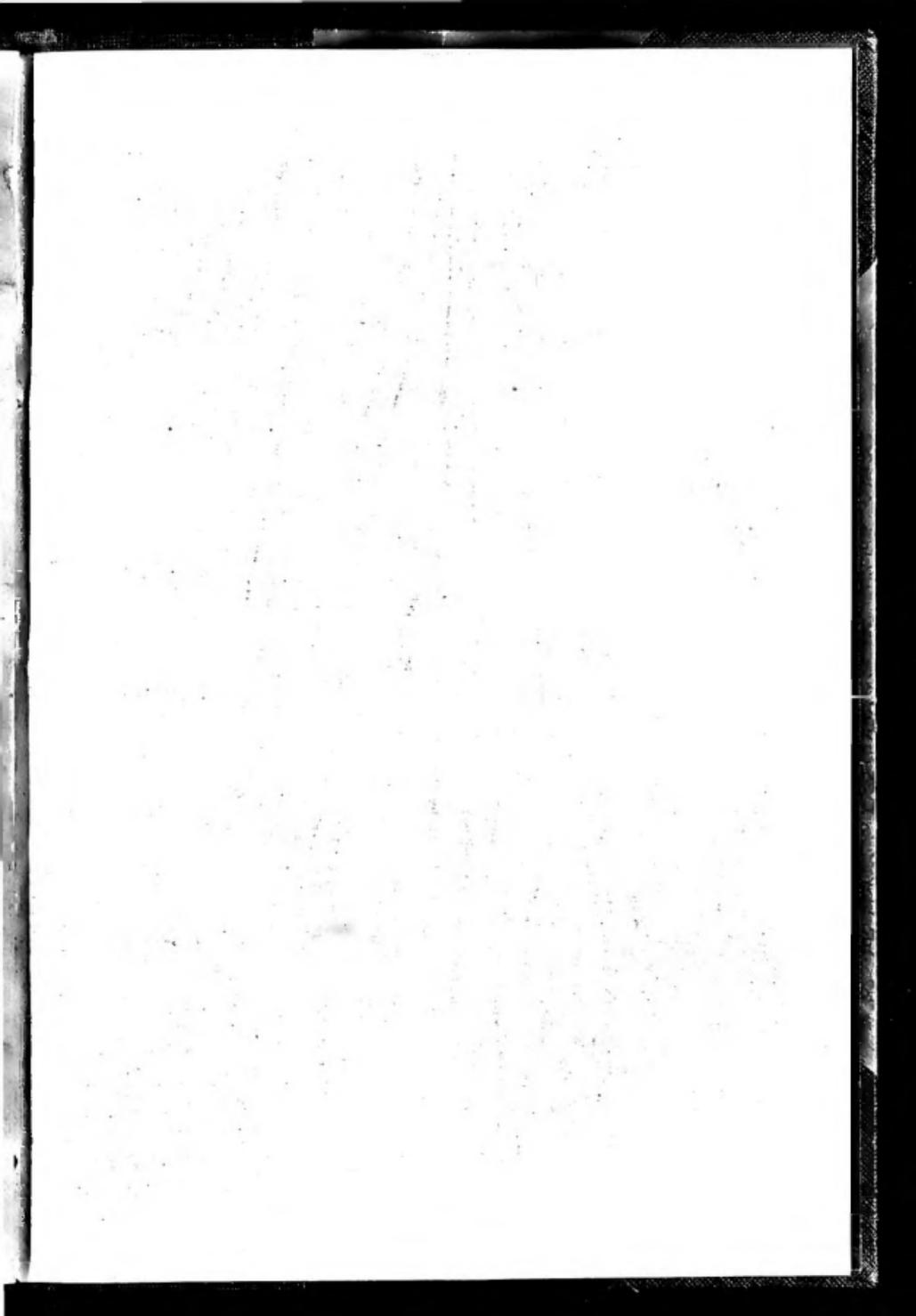
Издательство „ПРИБОЙ“.

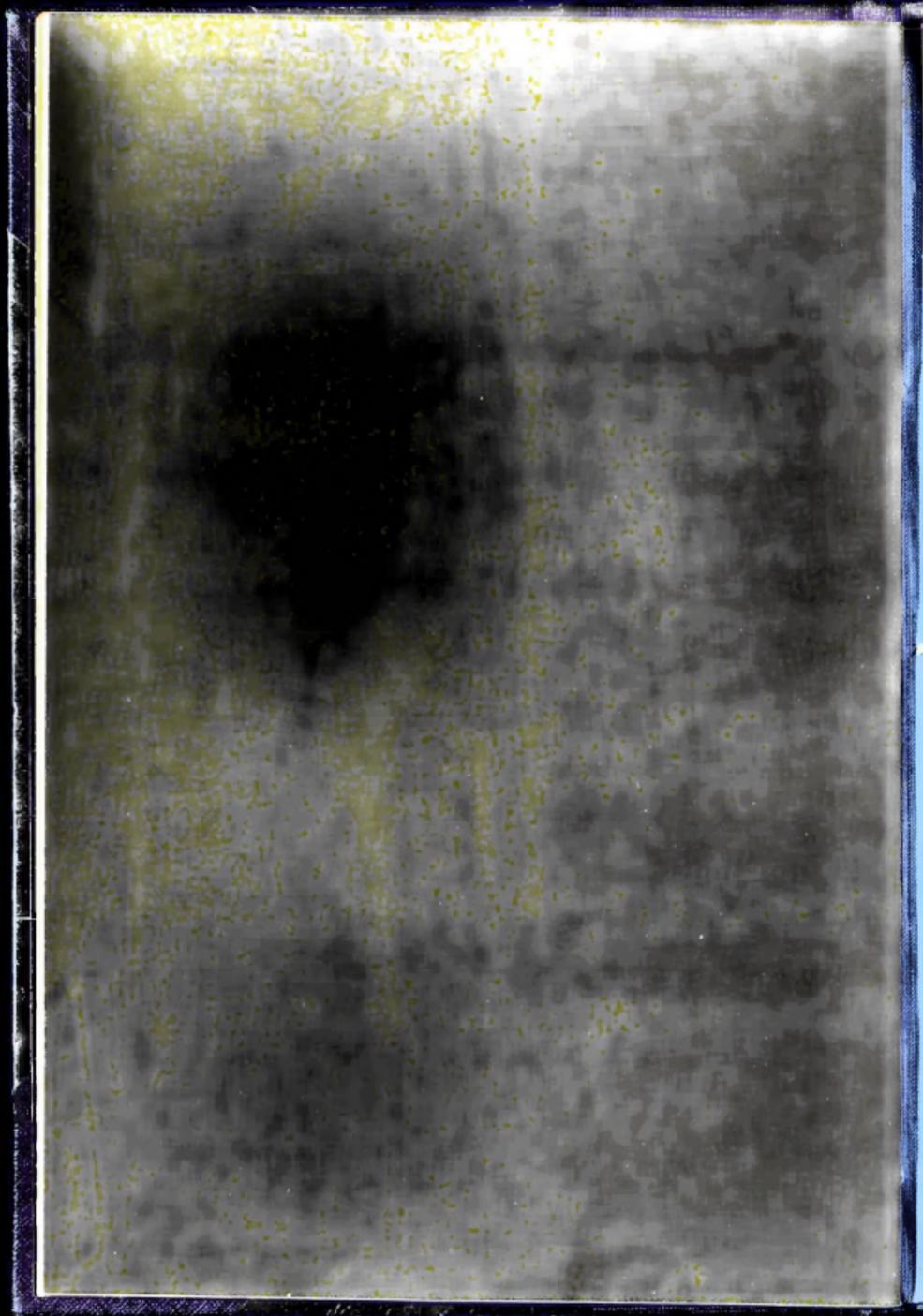
Центр. К-та Р. С.-Д. Раб. Партия.

Петербургъ, Николаевская ул., 12.

1. Программа и уставъ Р. С.-Д. Раб. Партия	10 коп.
2. Муниципальная платформа Р. С.-Д. Раб. Партия	10 "
3. Пѣсни борьбы	10 "
4. Рабочій праздникъ 1-е мая	10 "
5. Свобода печати и рабочей классъ	10 "
6. Г. Зиновьевъ и Н. Ленинъ. Изъ истории рабочей печати въ Россіи	10 "
7. Н. Ленинъ. Письма о тактикѣ. Письмо 1-е (Изд. 3-е)	20 "
8. Его-же. Задачи пролетариата въ нашей революціи	50 "
9. В. Либинехтъ. Пауки и мухи	5 "
10. А. Коллонтай. Кому нужна война? (Изд. 2-ое)	15 "
11. В. Невскій. Уроки революціи 1848 г. (Изд. 2-ое)	10 "
12. Его-же. Домашняя прислуга	10 "
13. Б. Г. Данскій. Всеобщее избирательное право	10 "
14. З. Лилина. Организуйте женщинъ	10 "
15. Ея-же. Кого выбирать въ городскія думы . .	10 "
16. М. Ватинъ. Не полиція. а всенародная милиція	10 "
17. Викентьевъ. Какъ французы добывали себѣ свободу	15 "
18. В. Милютинъ. О демократической республикѣ	10 "
19. Кого выбирать въ комитеты, совѣты, думы, Уредительное Собраніе	20 "
20. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи	(печ.)
21. К. Марксъ. Гражданская война во Франціи	
22. П. Орловскій. Карлъ Марксъ. (Изд. 2-е)	20 коп.
23. С. Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ	20 "
24. Г. Зиновьевъ и К. Сталинъ. Кто виноватъ въ поражениіи на фронтѣ	40 "
25. Матеріалы по пересмотру партійной программы. (Подъ ред. Н. Ленина)	25 "
26. Г. Зиновьевъ. Причины краха германскаго с.-д.	40 коп.

Тип „Трудъ“ Т-ва „Рабочая Печать“. Кавалерградск., 21.

0012

